

АРНАЛЬД ИНДРИДАСОН

ТЬМА
ЗНАЕТ

ИНДРИДАСОН —
БЕССПОРНЫЙ КОРОЛЬ
ИСЛАНДСКОГО НУАРА.
THE GUARDIAN

18+

Триллер по-скандинавски

Арнальд Индридасон

Тъма знае

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.113.3-312.4
ББК 84(4Исл)-44

Индридасон А.

Тьма знает / А. Индридасон — «Издательство АСТ»,
2017 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-148628-0

В безмерных глубинах ледника Лангйёкютль находят замороженное тело бизнесмена, бесследно исчезнувшего тридцать лет назад. Преступление тогда так и осталось нераскрытым. Полиции ничего не остается, как вновь арестовать тяжелобольного подозреваемого Хьяльталина, которого в свое время так и не удалось упрятать за решетку. Конрауд, полицейский в отставке, возобновляет собственное расследование этого дела, которое десятилетиями не давало ему покоя. Перед смертью Хьяльталин просит Конрауда найти настоящего убийцу и отомстить за все страдания, терзающие его душу. Когда ночью к Конрауду приходит пьяная женщина со странной пугающей информацией, полученной от ее трагически погибшего брата, наконец-то появляется новая зацепка, которая может привести к настоящему преступнику. Но хватит ли сил Конрауду раскрыть страшные секреты, копившиеся десятилетиями, и жестокую правду, способную разрушить множество жизней?

УДК 821.113.3-312.4

ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-17-148628-0

© Индридасон А., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Арнальд Индридасон

Тьма знает

Arnaldur Indriðason

MYRKRIÐ VEIT

Published by agreement with Forlagið, www.forlagid.is and BANKE, GOUMEN & SMIRNOVA Literary Agency, Sweden

© Arnaldur Indriðason, 2017

© Маркелова О., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Арнальд Индридасон – признанный автор исландского нуара. Его романы неоднократно удостоивались престижных литературных премий. Два года подряд Индридасон получал премию Nordic Crime Novel Press. Он также является лауреатом престижной и всемирно известной премии CWA Gold Dagger Award за лучший криминальный роман года на английском языке.

Триллеры Индридасон проданы по всему миру суммарным тиражом свыше 14 миллионов экземпляров и переведены на 40 языков.

* * *

Это произведение – художественный роман. Имена, персонажи и события полностью являются вымыслом автора.

*Тяжко сердцу от тоски
(тьма так много знает).
Так и зелень у реки
глушат черные пески;
лед на склоне трещины пронзают.*

– Йоуханн Сигурйонссон¹

1

День выдался необыкновенно погожий. Она некоторое время посидела вместе со всеми, наслаждаясь солнцем и отдыхая от ходьбы, порылась в своем рюкзаке в поисках свертка с едой, полюбовалась ледником, – и тут ее взгляд упал на наст, и она увидела: из него выглядывает человеческое лицо.

¹ Знаменитая в исландской словесности колыбельная Хатлы из пьесы Йоуханна Сигурйонссона «Горный Эйвинд» (1912 г.).

Через миг она осознала: да, именно так и есть! Едва до нее дошло это, как она вскочила, и тишину над ледником прорезал ее пронзительный крик.

Туристы-немцы вздрогнули. Они сидели повсюду вплотную друг к другу – и не поняли, чтостряслось, когда их гид – взрослая исландка, обычно такая уравновешенная и неробкая, вдруг нарушила тишину.

Накануне они поднимались на Эйяфьятлайёкютль. Этот ледник стал популярен у туристов после знаменитого извержения, случившегося несколько лет назад – тогда вулканический пепел из кратера под ледником парализовал авиасообщение во всей Европе. Сейчас толстый слой пепла, в ту пору покрывший окрестности, в основном уже исчез: его сдуло или смыло. Склоны гор вновь приобрели свой естественный цвет, и земля пришла в себя после стихийного бедствия.

Поездка должна была занять десять дней, и за то время было запланировано восхождение на четыре ледника. Примерно неделю назад они выехали из Рейкьявика на специально оборудованных машинах, которые могут въезжать на ледник. Ночевали в хороших гостиницах Южной Исландии. Туристы ни на что не жаловались. Они все были друзьями из немецкого автопромышленного города Вольфсбурга, и денег у них хватало. На ледниках подавали роскошные обеды, а по вечерам, после спуска с гор, устраивали застолья. Проводились достаточно длинные походы по льду с привалами и перекусами. Группе особенно повезло с погодой. В том сентябре каждый день в небесах сияло солнце, и туристы постоянно спрашивали гида о глобальном потеплении и о том, как на Исландию повлияет парниковый эффект. Пару десятилетий назад она несколько лет изучала литературу в Гейдельберге и свободно говорила по-немецки, и в этой поездке звучала только немецкая речь – кроме этих самых двух английских слов: «global warming».

Она рассказала им, как в последние годы менялся климат. Что лето становилось теплее, солнечных часов замерялось больше, но на это никто не жаловался: в Исландии летом погода может быть очень непостоянной, порой тепла не дождешься несколько дней, а то и недель подряд. И что зимы стали мягче, снегу выпадало меньше, хотя зимняя темнота никуда не делась. Но наиболее заметным изменением в ландшафте были ледники: они быстро уменьшались – в качестве яркого примера она привела Снайфельсйёкютль: от его былого величия осталось лишь воспоминание.

Последним ледником, который они осмотрели во время поездки, был Лангйёкютль – и его состояние тоже оставляло желать лучшего. Она рассказала группе, что в тысяча девятьсот девяносто седьмом и тысяча девятьсот девяносто восьмом годах у него убавилось целых три метра. За последние годы ледник уменьшился на целых три с половиной процента. В школе гидов ее учили всегда держать наготове подобные цифры. Она рассказала немцам, что ледники покрывают одиннадцать процентов площади Исландии и что запас воды в них равен сумме осадков за двадцать пять лет.

Ночевали они в Хусафетле, а восхождение на ледник начали примерно в одиннадцать часов. Группа подобралась удачная: большинство в ней было в хорошей форме и с отличным снаряжением, в альпинистских ботинках и защитной одежде. Сложных случаев не возникло, никто не заболел, никто не жаловался и не портил другим настроение, все, как могли, наслаждались поездкой. Они долго шагали вдоль кромки ледника, но вот ступили на лед и начали восхождение. Под ногами скрипел снег, на поверхность то тут, то там просачивались большие и малые ручейки. Она шла впереди и чувствовала, как навстречу поднимается прохлада ледника и овеивает лицо. Они заметили, как по ледяному простору мчатся люди на джипах и снегоскутерах. Немцы спросили, насколько такой вид спорта популярен в Исландии, а она не смогла ответить ни утвердительно, ни отрицательно. Они часто задавали вопросы, которые заставляли ее врасплох, даже если она хорошо подготавливалась. Один такой прозвучал сегодня за завтраком: в Исландии производят сыры?

Она записалась на курсы гидов уже после того, как туризм в Исландии набрал силу. А до того восемь месяцев была безработной. Во время кризиса она лишилась квартиры, потому что больше не смогла выплачивать ипотеку. Ее возлюбленный переехал в Норвегию: он был плотником, и там для него было много работы. Он заявил, что больше не вернется в эту поганую страну, которую полнейшие идиоты довели до разорения. Кто-то сказал ей, что скоро расцветет турбизнес. Крона упала – ниже некуда, для туристов все было невероятно дешево. Когда эти прогнозы подтвердились, она пошла учиться на гида – и выучила, что приезжающие сюда туристы любят Исландию, ее пейзажи, чистый воздух и тишину.

Но про трупы, вмерзшие в ледник, она там ничего не учила.

Туристы-немцы сгрудились вокруг нее и следили за ее взглядом, обращенным туда, где виднелась человеческая голова, как будто пытающаяся вырваться из-под льда.

– Что это? – спросила одна женщина из группы, подходя ближе.

– Это человек во льду? – задала вопрос другая женщина, рядом с ней.

Лицо было почти все скрыто тонким слоем снега, но все же можно было различить нос, глазницы и большую часть лба. Других частей головы было не видно, и очертаний тела подо льдом не угадывалось.

– Что с ним случилось? – задумчиво произнес третий турист. Она знала, что он – врач на пенсии.

– Он там долго пролежал? – спросил кто-то еще.

– По-моему, да, – ответил врач, опускаясь на колени над лицом. – Он явно не вчера замерз.

Он осторожно расчистил снег голыми руками, и лицо под ледяной коркой стало видно лучше.

– Не надо было ничего трогать, – назидательно произнесла его жена.

– Все в порядке. Я больше ничего делать и не буду, – ответил врач.

Он поднялся. Взорам остальных предстало лицо, как будто осторожно вылепленное на блестяще-белой корке тончайшего фарфора, могущей треснуть от малейшего прикосновения. Было сложно сказать, как долго этот человек пролежал на леднике, – но лед обошелся с ним бережно, сохранил его и защитил от тления и гниения. Им показалось, что, когда несчастного постигла его участь, ему было около тридцати лет. Лицо у него было широковатое, рот большой, зубы крепкие, глаза глубоко посажены над симпатичным носом. Волосы на голове были густые и светлые.

– Ты ведь уведомишь полицию, душечка? – спросила жена врача, повернувшись к гиду.

– Да, конечно, – рассеянно ответила та, не сводя глаз с лица. – Конечно. Сейчас же.

Она вынула телефон, зная, что в этой части ледника сотовая связь есть: специально проверяла. Она всегда старалась быть в зоне действия сотовой связи или радиосвязи: мало ли что может случиться. В службе спасения на «горячей линии» ей тотчас ответили, и она описала находку.

– Мы недалеко от ледника Гейтландсйёкютль, – добавила она, объяснив ситуацию, и посмотрела на обрывистую скалу, по которой и получила имя юго-западная часть ледника.

Ледник уменьшался постоянно. Готовясь к поездке, она где-то прочитала, что, если так будет продолжаться, к началу следующего столетия он и вовсе исчезнет.

2

Когда он наконец вышел вон, в метель, он был изрядно пьян. Он уже долгое время не мог найти в баре своего друга и подумал, что тот ушел домой. Они оба, как обычно, довольно рано зашли в этот спорт-бар, и матч был очень интересный, а потом он разговорился с какими-

то незнакомыми парнями, а Инги стал молчалив. Такое часто бывало, когда тот пил: ни слова из него не вытянешь.

Он втянул голову в плечи, поплотнее обернул свое худощавое тело курткой и двинулся навстречу метели. На одежду начал налипать снег, и ему стало ужасно холодно, и он ругался, что не надел зимний комбинезон, который носил на работе: плотный, теплый, подходящий для любой непогоды. Зимой часто бывало трудно заставить себя по утрам вылезать из теплой бытовки на стройплощадку. Две чашки кофе, сигарета и синий зимний комбинезон очень помогали в этом. Это было не сложно. Это были простые вещи, но наслаждаться ими нужно было уметь. Футбол и холодное пиво из-под крана. Кофе и сигарета. И теплый комбинезон зимой.

Он ускорил шаг по тротуару, и мысли у него были такими же путанными, как и его следы на снегу.

Он никак не мог забыть того человека. Пока они сидели у стойки бара и разговаривали, тот казался ему знакомым, но он далеко не сразу понял, кто это: там было темно, а тот человек был в кепке с козырьком, сидел, наклонив голову, и не поднимал лица. Они немного пообсуждали матч, и выяснилось, что оба болеют за одну и ту же команду. В конце концов он не утерпел и начал говорить о холме Эскьюхлид² и прямо спросил того человека, не встречались ли они с ним там. Не помнит ли он его.

– Нет, – ответил тот и посмотрел из-под козырька, и тут больше не осталось сомнений в том, кто он.

– Ведь это ты был, да? – обрадовался он. – Это же ты был! Ты меня помнишь? Просто не верится! А лёгги³ с тобой когда-нибудь говорили?

Тот человек ничего не ответил, но наклонил голову еще ниже. Но он не сдавался и сказал, что несколько лет назад рассказывал об этом полиции, но только она не приняла его в расчет. Ведь полиция таких сообщений получает целый миллион, а он, когда это произошло, был еще мальчишкой, и может быть...

– Отстань от меня, – сказал тот человек.

– Что?

– Понятия не имею, о чем ты болтаешь. Отстань! – рассердился тот человек, встал и решительно вышел из бара.

А он остался сидеть в одиночестве и все еще не верил, что это именно тот самый человек, когда сам на неверных ногах покинул заведение. Он перебежал улицу Линдаргата, думая, что надо как можно скорее сообщить в полицию, – а видимость между уличными фонарями была почти нулевая. Он уже подходил к противоположному тротуару, как вдруг у него возникло ощущение, что он в смертельной опасности. Вся окрестность озарилась светом, и сквозь вой метели он услышал стремительно приближающийся рокот мотора. И вдруг его подбросило в воздух, он ощутил во всем теле жуткую боль и ударился головой о голый асфальт в том месте, где с него был соскоблен снег.

Шум автомобиля отдалился, и все вновь стало тихо, если не считать воя бури: выюга бушевала над ним, вокруг него. Забиралась под куртку. Он не мог пошевелиться, у него болело все. Но больше всего голова.

Он попытался позвать на помощь, но не смог издать ни звука.

² Большой холм в Рейкьявике, недалеко от центра, поросший лесом. На его вершине стоит теплоцентраль Пертла, основную часть которой составляют резервуары с горячей водой. (В наше время теплоцентраль больше не используется по прямому назначению, а превращена в выставочный центр). В минувшие десятилетия этот холм был пристанищем социальных маргиналов.

³ Лёгга (lögga) – исландское разговорное прозвище полицейских (от исл. „lögregla“ – «полиция»).

Он не знал, сколько времени прошло. Вскоре он потерял чувствительность. Ему уже не было холодно. Алкоголь притуплял ощущения. Он думал о цистернах с горячей водой на Эскьюхлид, о том, как весело было там играть, и о том, чему он стал свидетелем в детстве.

Он был уверен: они раньше встречались.

Это был тот самый человек.

Абсолютно точно: он.

3

Когда мобильник начал звонить, Конрауд открыл глаза. Ему так и не удалось заснуть. Как обычно. Таблетки. Красное вино. Медитация без какого-либо определенного направления. Ничто из этого не могло победить бессонницу.

Он не мог вспомнить, куда дел телефон. Иногда тот лежал на ночном столике. Иногда – в кармане каких-нибудь брюк. Однажды он несколько дней не мог отыскать телефон, а в конце концов обнаружил его в багажнике машины. Он вышел из спальни в гостиную, пошел на звук в кухне – там-то на столе и лежал гаджет. За окном стыла темным-темная осенняя ночь.

– Прости, Конрауд, я тебя наверняка разбудила, – прошептала женский голос в динамике.

– Нет.

– Кажется, тебе нужно подъехать к нам в морг.

– А почему шепотом?

– А разве я шепчу?

Женщина откашлялась. Ее звали Сванхильд, и она была патологоанатомом в Центральной больнице.

– Ты новости слышал? – спросила она.

– Нет, – ответил Конрауд, стряхивая с себя апатию. Он копошился в старых бумагах своего отца, и бессонница на этот раз случилась у него частично из-за этого.

– Они привезли его к нам часов в восемь, – сказала Сванхильд. – Они его нашли.

– Нашли? Кого? Кто?

– Немецкие туристы. На леднике Лангйёкютль. Он был подо льдом.

– На леднике?

– Это Сигюрвин, Конрауд. Сигюрвин нашелся. Они обнаружили его труп.

– Сигюрвин?

– Да.

– Сигюрвин? Нет, разве... о чем ты?

– Через столько лет, Конрауд. Просто невероятно. Я решила спросить, не захочешь ли ты взглянуть на него.

– Ты не выдумываешь?!

– Знаю, это невероятно – однако это он! Сомнений нет.

Конрауд опешил. Слова Сванхильд звучали издалека, словно из глубин странного забытого сна. Эти слова он не чаял услышать. Никогда. Слишком уж много времени прошло. Однако он как будто всегда ждал подобного звонка, этих вестей из далекого прошлого, которое, тем не менее, не прошло, а всюду продолжало следовать за ним как тень. И когда эти вести наконец пришли, они выбили его из седла.

– Конрауд?

– Просто не верится, – сказал он. – Сигюрвин? Сигюрвина нашли?

Конрауд опустился на стул у кухонного стола.

– Да. Это Сигюрвин.

– Немецкие туристы?

– Да. На леднике Лангйёкютль. Какие-то ученые заявляют, что с тех пор, как пропал Сигюрвин, ледник значительно уменьшился в размере. Ты вообще новости слушаешь? Это из-за парникового эффекта. Я решила: наверное, тебе захочется его увидеть до того, как у нас тут завтра с утра все завертится. Он хорошо сохранился во льду.

Конрауд совсем растерялся.

– Конрауд?

– Да.

– Ты не поверишь: он так отлично выглядит!

Конрауд рассеянно оделся. Перед тем, как выйти к машине, он посмотрел на часы. Было почти три. Он покатил по пустым улицам из Аурбайра⁴. Сванхильд больше тридцати лет проработала в Центральной больнице. Они знали друг друга очень давно. И он был благодарен ей за эту новость. По дороге он думал о леднике, о Сигюрвине и о том, сколько времени прошло с его исчезновения. Его искали в портах и на берегу, в расщелинах и канавах, в домах и машинах, – но про ледник никому и в голову не пришло. Он думал обо всех тех, с кем тогда говорила полиция на эту тему, но куда не видел никакой связи с поездками к леднику.

Он въехал на проспект Миклабрёйт, не встретив ни одной машины. В начале девяностых они с Эртной переехали в небольшой таунхаус в Аурбайре, и там он всегда чувствовал себя неуютно. Он был истым уроженцем центрального района, вырос в Теневом квартале⁵. А вот Эртна была довольна, и их сын тоже: он ходил в отличную школу в том районе, у него были друзья, и он создавал себе сказочные миры между горкой в Ауртуне и реками Этлидараур. Конрауду казалось, что эта местность – какая-то абсолютная окраина, он считал, что она не имеет ни с чем в столице никакой связи, а напоминает остров, населенный недотепами, которым не на чем оттуда уплыть. Ему не нравилось, что средоточиями общественной жизни в этом районе были маленькие продуктовые магазинчики, – но при этом он называл их единственными оплотами культуры в той местности. Он утверждал, что если судить по мусору на улицах, то в «Lion Bar» едят больше всего в стране. Когда Эртне надоедало его ворчание, он нехотя соглашался, что красивая природа близ рек Этлидараур все-таки скрашивает впечатление от этого кошмарного шоссе на Ауртунской горке с вечным шумом машин и выхлопными газами.

Он припарковался у морга и запер машину. Сванхильд ждала у дверей. Она открыла ему и провела внутрь, молчаливая и серьезная. На ней был медицинский халат и белый фартук, а на голове какой-то убор из сетки и картонки, делавший ее похожей на сотрудника пекарни. Она имела отношения к различным делам, которыми занимался Конрауд, когда еще работал в полиции в отделе расследований.

– Они вырезали лед вокруг него и так привезли в морг, – сказала она, подходя к одному из железных столов.

Всю его длину занимала быстро тающая глыба льда. Из нее торчало тело, настолько хорошо сохранившееся, как будто тот человек отдал Богу душу только вчера, – если не считать, что его кожа имела необычайно твердую и блестяще-белую фактуру. Руки лежали по швам, голова слегка опустилась на грудь. На полу образовалась лужа от тающего льда, и вода сочилась в сток под столом.

– Ты его будешь исследовать? – спросил Конрауд.

– Да, – ответила Сванхильд. – Меня попросили сделать это, когда лед вокруг него растает и сам он оттает. Тогда я его вскрою. Я полагаю, внутри он так же хорошо сохранился, как и снаружи. Наверное, у тебя странное ощущение, когда он вот так прямо перед глазами.

– Его на вертолете привезли? – спросил Конрауд.

⁴ Район на востоке Рейкьявика. В нем находится музей старых домов и две параллельно текущие речки под названием Этлидараур, вокруг которых расположена поросшая лесом долина.

⁵ Теневой квартал (Skuggahverfi) – участок в центре Рейкьявика к северу от улицы Лейгавегюр около берега моря.

– Нет, на машине, – ответила Сванхильд. – А потом они провели поиски вокруг того места, где его нашли, и в ближайшие дни продолжают. Никто из полиции с тобой не связывался?

– Пока нет. Но наверняка они это сделают завтра утром. Спасибо, что позвонила мне.

– Это же тот самый твой человек, – сказала Сванхильд. – Без сомнений.

– Да, это Сигюрвин. Странно – столько времени прошло, а он вдруг появился как ни в чем не бывало.

– Мы за это время постарели, – заметила Сванхильд, – а он как будто с каждым днем как бы молодеет.

– Охрененно, – тихонько произнес Конрауд, словно про себя. – А как, по-твоему, отчего он умер?

– Мне кажется, от удара по голове, – Сванхильд указала на голову трупа. На ней лед в основном уже оттаял, на затылке были видны повреждения.

– Его убили на леднике?

– Надеюсь, мы это выясним.

– И он прямо так и лежал там на спине?

– Да.

– Это не странно?

– Это вообще странное дело, – ответила Сванхильд. – Ты сам должен бы лучше всех это знать.

– Одет он был явно не для похода на ледник.

– Это точно. Что ты будешь делать?

– В каком смысле?

– Будешь им помогать или не станешь вмешиваться?

– Они сами разберутся, – ответил Конрауд. – Я же уволился. Да и тебе бы не мешало.

– Мне скучно, – сказала Сванхильд. Она была разведена и порой признавалась, что боится, что ей придется оставить работу. – А как ты себя чувствуешь?

– Отлично. Если б я еще заснуть мог.

Они замолчали и некоторое время смотрели, как вокруг трупа тает лед.

– Ты когда-нибудь слышал об экспедиции англичанина Франклина? – ни с того ни с сего спросила Сванхильд.

– Франклина?

– В девятнадцатом веке англичане предпринимали много неудачных экспедиций по поиску морских путей на запад через льды на севере Канады. Самая известная из них – экспедиция Франклина. Ты о ней не слышал?

– Нет.

Сванхильд было интересно вспомнить эту историю. Франклин был капитаном британского военно-морского флота и отправился в эту экспедицию на двух кораблях, которые пропали во льдах со всем экипажем. До того трое членов экипажа умерли на борту, их зарыли на галечной косе в вечной мерзлоте, а остальные участники экспедиции поплыли дальше. Могилы тех троих погибших нашлись тридцать лет спустя, а когда их вскрыли, оказалось, что мертвые тела прекрасно сохранились и содержали ценные сведения о жизни моряков девятнадцатого века. Исследование тел всех троих подтвердили некоторые гипотезы об основных сложностях, которые были сопряжены с дальними плаваниями в старину – и экспедиция Франклина здесь не была исключением. Было известно, что члены экипажей в плаваниях, длившихся порой больше двух или трех лет, часто становились слабыми и вялыми, и в конце концов просто угасали и умирали, и причину этого было невозможно понять. Существовало великое множество тщательно запротоколированных примеров, но о причинах этой загадочной слабости мнения расходились. Выдвигались различные теории, в частности – догадка, что речь идет об отравлении свинцом. И тела, извлеченные из вечной мерзлоты, подтвердили ее. Вскрытие

показало симптомы серьезного отравления свинцом. Это совпадало с тем, что в девятнадцатом веке начал завоевывать популярность новый способ сохранения продуктов: консервирование в железных банках.

Закончив свой рассказ, Сванхильд посмотрела на труп.

– Это одна из этих занимательных историй из области патологической анатомии, – сказал она. – Эти корабли были битком набиты консервами, но они все были отравлены, потому что из крышек свинец проник в пищу.

– Зачем ты это все мне рассказываешь?

– Мне вспомнилась экспедиция Франклина, когда они привезли Сигюрвина с ледника. Он напомнил мне этих матросов, которых обнаружили замерзшими в земле. Он как будто только вчера умер.

Конрауд подошел к трупу и долго смотрел на него, удивляясь способности ледника все сохранять.

– Наверное, надо начать хоронить людей на леднике, – сказала Сванхильд. – Перенести кладбища туда, если нам противна мысль о том, что мертвые тела едят черви.

– Но ведь ледники постепенно тают?

– А вот это уже хуже, – ответила Сванхильд, и в тот же миг большой кусок льда рухнул на пол и разбился на тысячу осколков.

Конрауд приехал обратно домой в черной, как смола, ночи и устало лег в постель – но сон не спешил сжалиться над ним. Пока он лежал и маялся, в его памяти всплыла вся тяжесть этого расследования. Мысль о Сигюрвине во льду ошеломляла его. Замерзшее лицо так и стояло перед его внутренним взором.

Конрауд поежился.

Он ясно видел: на губах Сигюрвина, лежащего на столе в морге, застыла странная усмешка. Они покоробились, как старая кожа, так что стали видны зубы. Казалось, он смеется прямо в лицо Конрауду, напоминая ему, какое фиаско он потерпел, пытаясь раскрыть это дело.

4

Два дня спустя поздним вечером зазвонил телефон. При обычных обстоятельствах его владелец испугался бы: с тех пор, как он вышел на пенсию, ему больше никто не звонил, ни по ночам, ни рано утром. Это была самая большая перемена в его жизни с тех пор, как он оставил работу, – если не считать тишины. А сейчас телефон все никак не мог уговориться. На этот раз звонила его приятельница, с которой они вместе работали в отделе расследований. Конрауд как раз ждал, что она с ним свяжется.

– Он хочет с тобой поговорить, – сказала женщина. Ее звали Марта, и она возглавляла отдел расследований полиции Рейкьявика.

– Он ведь не собирается сознаваться? – спросил Конрауд, недавно прочитавший в Интернете, что после обнаружения трупа на леднике был задержан человек. Он не удивился, что это Хьяльталин. Опять начинался этот цирк, – но на этот раз Конрауд решил держаться от него в стороне. Журналисты пытались выведать у Конрауда его мнение о находке трупа, но он сказал, что пока не собирается высказываться о Сигюрвине. Ведь он уже не работает в полиции. Ему на смену пришли другие.

– Он сказал, что хочет встретиться с тобой, – заявила Марта. – С нами он разговаривать не хочет.

– А ты ему сказала, что я здесь больше не работаю?

– Хьяльталин знает. И все-таки хочет поговорить именно с тобой.

– Что он утверждает?

- По-прежнему: что невиновен.
- У него был мощный джип.
- Да.
- На котором можно было бы въехать на ледник.
- Да.
- Вы к нему пускаете? Он не в камере предварительного заключения?
- Мы могли сделать исключение, – ответила Марта, – если бы ты работал у нас на разовом задании. В качестве консультанта.
- Марта, мне не интересно снова в это все погружаться. Не сейчас. Давай, мы попозже поговорим?
- У нас мало времени.
- Да, конечно.
- Я не верила, что через столько лет Сигюрвин отыщется.
- Тридцать лет – это долгий срок.
- Ты не хочешь взглянуть на труп?
- Я уже на него поглядел, – ответил Конрауд. – Он как будто умер только вчера.
- Да, конечно, Сванхильд же тебе звонила. А с задержанным ты повидаться хочешь?
- Я же здесь больше не работаю.
- Да, не надо это без конца повторять.
- Мы еще поговорим, – сказал Конрауд и попрощался.

Сигюрвин и поездка в морг к Сванхильд не шли у него из головы, но он ничем не хотел выдавать, что ему хоть чем-то интересны бывшие коллеги, связывавшиеся с ним. Он твердил им, что он здесь больше не работает и возвращаться не собирается ни при каких обстоятельствах. Поиск Сигюрвина они начали более тридцати лет назад. Допросили множество народу. Обвинен не был ни один. Расследование вскоре сосредоточилось на конкретном человеке по имени Хьяльталин, но насчет него ничего не удалось доказать. Хьяльталин упорно отрицал, что нанес Сигюрвину телесные повреждения, – и его отпустили. Тела так и не нашли. Сигюрвин буквально испарился.

И вот сейчас он лежит в морге, как будто отлучался всего лишь на пару дней. Сванхильд не соврала, сказав, что тело хорошо сохранилось. Труп еще не начинали исследовать. Сигюрвин был в той одежде, в которой встретил свою участь: в кедах, джинсах, рубашке и пиджаке. Причиной его смерти явно стал тяжелый удар по затылку тупым орудием. Рана открылась. На задней части головы и одежде была обнаружена кровь.

Конрауд подумал о том, сколько лет прошло с тех пор, как этот человек простился с жизнью. Он и раньше фантазировал, каким будет этот момент и какие чувства будут обуревать его, если Сигюрвин найдется. Он уже давно прекратил розыски, но ему не удалось выкинуть это дело из головы, и он всегда ожидал, что в один прекрасный день телефонный звонок принесет ему долгожданную новость. Когда ему наконец сообщили, что Сигюрвина обнаружили на леднике, в это было невозможно поверить. Десятки лет никто не знал, что с ним – а сейчас это выяснилось. Никто не знал ни причины его смерти, ни того, погиб ли он вообще, – а сейчас стало известно, когда и как он погиб. Они точно не знали, во что он был одет, – а сейчас это было ясно видно. Этот труп должен был дать тем, кто расследовал дело, различные важные сведения. Они наконец могли составить представление об орудии убийства. Пазл, в котором раньше не хватало деталей, наконец сошелся.

Конрауд сидел на кухне с бокалом красного вина и прикуривал сигару. Иногда, когда он считал это необходимым, он курил небольшие сигариллы, хотя в целом не был заядлым курильщиком. Снова зазвонил телефон: на этот раз это была его сестра, Элисабет, и она спрашивала, как у него дела.

- Дела нормально, – сказал он, затягиваясь. Телефон не унимался.

– Опять это дело проклятое всплыло? – спросила Элисабет, которую обычно называли не иначе, как Бета. Она, как и многие другие, следила за новостями об обнаруженном мертвом теле.

– По-моему, Хьяльталиин хочет меня в это втянуть, – сказал Конрауд. – Они на несколько дней посадили его в КПЗ, и он хочет со мной встретиться. Ему сказали, что я там больше не работаю, но он и слушать не хочет.

– А разве такое дело вообще можно бросить?

– Это как раз тот вопрос, над которым я в последнее время много думал.

– Тебе не интересно, что он хочет сообщить?

– Я прекрасно знаю, что он хочет сообщить, Бета. Он, мол, невиновен. И тот факт, что тело нашли, ничего не меняет. Мы целых тридцать лет не могли обнаружить улики против него, и сейчас тоже не обнаружим, потому что он невиновен. Вот что он скажет. Не знаю, почему он хочет напеть мне это в очередной раз.

Бета помолчала в трубку. Брат и сестра были не очень близки, они росли отдельно друг от друга после развода родителей, и потом все время пытались наверстать это, каждый на свой лад. Получалось не всегда так, как им хотелось.

– Ты же тогда был не до конца убежден, что это именно он, – сказала она потом.

– Не так сильно, как другие. И все же на его счет вероятность самая большая.

Бета, как и другие, знала, что Хьяльталиин – единственный подозреваемый в убийстве Сигюрвина в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году и что он сидел в КПЗ, но так ни в чем и не сознался. Полиции не удалось найти неопровержимых доказательств его причастности к исчезновению Сигюрвина. Он был последним, кто видел его, и в дни, предшествующие исчезновению Сигюрвина, они крепко поссорились. Также было очевидно, что Хьяльталиин ему угрожал.

– Они попросили тебя помочь? – спросила Бета.

– Нет.

– Но они хотят, чтоб ты встретился с Хьяльталином?

– Они думают, что, наверное, мне он скажет что-нибудь, чего не хочет говорить им. С ними он не разговаривает.

– Тридцать лет – это большой срок.

– Ему удалось хорошо спрятать Сигюрвина. Он избежал обвинения потому, что тела мы тогда не нашли. Вопрос, удастся ли ему и в этот раз так легко ускользнуть.

– Но у вас против него не было никаких улик.

– Кое-что у нас было. Просто этого оказалось недостаточно. В итоге прокурор просто не решился предоставлять это судье.

– Не лезь снова в это дело. Ты же с ними уже не работаешь.

– Да, уже не работаю.

– Мы еще созвонимся.

– Да. Пока.

Все СМИ были просто наводнены репортажами об обнаружении трупа. Сванхильд в подробностях рассказала Конрауду о том, что произошло. Четверо сотрудников технического отделения отдела расследований с самого момента обнаружения трупа находились на леднике, обследуя местность. После того, как немецкие туристы позвонили на горячую линию, первой на место прибыла полиция города Боргарнеса. Полицейские, одетые неподходящим образом для похода на ледник, вскарабкались на Лаунгйёкютль и предупредили боргарнесскую Службу спасения. Затем журналисты быстро разноухали, что на леднике что-то произошло. Сотрудники полиции подтвердили, что там обнаружен труп мужчины, примерно тридцати лет, явно долго пролежавший во льду. Их попросили ничего не трогать, не приближаться к трупу и держать туристов подальше от него. Техническому отделу в Рейкьявике было послано предупре-

ждение. Сотрудники Службы спасения на специально оборудованных джипах к тому времени уже подъехали к кромке ледника. Они сопроводили группу немецких туристов и их гида, женщину по имени Адальхейдюр, разменявшую шестой десяток (она, по ее словам, и нашла труп), вниз с горы в Хусафетль, откуда к вечеру группа отправилась в Рейкьявик. Полиция тщательно допросила женщину, а также – с ее помощью – и немцев. Пожилой немец из группы, который говорил, что он врач, сообщил, что счистил снег и лед с лица покойника, а больше ничего не трогал.

К трупу решили по возможности не прикасаться, поэтому из ледника выпилили глыбу льда, в которую он был заключен, весом без малого двести килограммов, и погрузили на машину Службы спасения, у которой была грузовая платформа. Сотрудник Технического отдела повез эту глыбу в Рейкьявик и тщательно исследовал то, что вытаяло из нее. Позже тем же вечером группа полицейских и сотрудников службы спасения поехала в Хусафетль, где и заночевала, а некоторые остались дежурить на леднике, чтоб никто посторонний не приближался к месту происшествия.

На радио было взято интервью у одного из ведущих гляциологов страны, и он немедленно указал на то, что с тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, когда, вероятно, Сигюрвин попал на ледник, ледяной щит уменьшился на семь с лишним кубических километров, и сейчас его толщина – шестьсот метров. Считается, что за следующие двадцать пять лет ледник уменьшится еще на двадцать процентов, что можно отнести на счет изменения климата в стране, уменьшения количества осадков и увеличения количества солнечных часов.

– Но многие сомневаются в том, что парниковый эффект вызван антропогенными факторами, – услышал Конрауд выступление этого гляциолога в утренней передаче по радио.

– Значит, труп положили на ледник или каким-то образом поместили в лед? – спросил радиоведущий.

– Сложно сказать. Вероятно, его поместили в трещину в леднике. Пропал он в феврале. В эту пору рыть ямы во льду непросто. Можно предположить, что его просто сильно замело снегом. Или что образовалась трещина, а он провалился в нее и скрылся под слоем льда, а потом снова поднялся к поверхности.

– Значит, с тех пор слой льда над ним попросту растаял?

– Разумеется, здесь нужно провести исследование, но мне это кажется вполне вероятным. Это самое простое объяснение того, почему сейчас он нашелся. Ведь ледники мало-помалу тают. И это всем известно.

И вновь тишину в Аурбайре нарушил звонок мобильного телефона. Звонила Сванхильд, которая хотела узнать, что он будет делать. Она слышала, что Хьяльталиин хочет его видеть.

– Не знаю, – ответил Конрауд. – Думаю, ничего страшного, если я с ним поговорю. Послушаю, что он скажет.

– Кажется, ты умираешь от любопытства. Это же Сигюрвин! Наверно, это тебя заинтересует.

– Хьяльталину еще не было и тридцати, когда мы задержали его, – сказал Конрауд.

– Да, помню.

– А сейчас ему скоро будет шестьдесят. Я его уже столько лет не видел.

– Как ты думаешь, он сильно изменился?

– Я думаю, он остался таким же придурком.

– Вы с ним не очень-то ладили.

– Нет, – согласился Конрауд. – А вот он думал, что как раз ладили. Не знаю, о чем он хочет со мной поговорить. Я не стал бы верить Хьяльталину ни в чем. Его бы и не посадили в КПЗ, если б не сочли, что он собирается сбежать. Когда его задержали, он выезжал из страны. Это было в тот день, когда опознали Сигюрвина. Он сказал, что это просто совпадение.

– Ты стал лучше спать?

– Не особо.

– Ты ведь знаешь: мне можно звонить, если тебя что-то беспокоит, – сказала Сванхильд. – Если захочешь поболтать.

– Ну, у меня все нормально, – поспешил ответить Конрауд.

– Ну, ладно, – Сванхильд уже собиралась было попрощаться, но тут ей как будто пришла в голову запоздалая мысль. – Ты так давно не звонил, – произнесла она.

– Нет, я... – Конрауд не знал, что ответить.

– Ты давай позванивай, если...

Он не стал соглашаться, и они распрощались. Конрауд отпил глоток вина и закурил следующую сигару. Они с Эртной иногда обсуждали, что им не мешало бы купить жилище поменьше и переехать из Аурбайра. И не в какой-нибудь филиал дома престарелых, а в уютную квартирку где-нибудь близко к центру. «Только не в Тингхольт⁶, там слишком много всякого молодого интересного народу», – говорила Эртна. Лучше уж в Западный район. Но из этой затеи ничего не вышло. Именно там, на кухне, они много обсуждали дело Сигюрвина, и, как всегда, она поддерживала его в различных трудностях.

На столе в гостиной лежали бумаги, принадлежавшие отцу Конрауда, которые он смотрел в тот вечер, когда позвонила Сванхильд и рассказала о Сигюрвине. Он десятилетиями не заглядывал в них, а держал в коробке в чулане. После того, как его втянули в старое дело времен Второй мировой, в котором фигурировали фальшивые медиумы, у него вновь пробудился давно дремавший интерес к поступкам отца: того нашли вечером в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году на улице Скулагата перед зданием Скотобоев Южной Исландии заколотым насмерть. Несмотря на тщательное расследование, убийцу так и не нашли. Конрауд пренебрегал этим делом все те годы, что работал в отделе расследований. Его отец был злым неприятным человеком и нажил себе врагов повсюду. Иногда он оказывался в тюрьме за контрабанду, кражи и финансовые махинации. К тому же в годы войны он наживался при помощи по крайней мере одного фальшивого медиума, а может, и нескольких. Мать Конрауда в конце концов сбежала от этого человека, забрав с собой дочь, а сына он ей не отдал, и тот остался с отцом в Теневом квартале.

Конрауд листал пожелтевшие бумаги. Его внимание привлекло несколько газетных вырезок, сохраненных отцом: о работе медиумов и потустороннем мире. Среди них была одна статья о фальшивых медиумах и интервью в давно закрывшемся еженедельнике, где свою работу описывал исландский медиум. Одна вырезка была из журнала Общества психических исследований, и речь в ней шла о жизни после смерти в так называемом эфирном мире. Она датировалась двумя годами до гибели отца Конрауда близ здания Скотобойни, и Конрауд часто задумывался: а вдруг отец, перед тем как встретить свою ужасную участь, снова принялся за старое: выманивать у людей деньги за вранье, которое выдавал за сведения, полученные на спиритических сеансах.

5

Конрауд был недоволен, что в свое время КПЗ перенесли из Рейкьявика на Литла-Хрёйн. Ему надоедало ездить из столицы через пустошь Хетлисхейди, потом через Теснину, по мосту на Оусэйри, а потом на восток в сторону городов Стокксэйри и Эйрарбакки⁷. Другие были совсем не против для разнообразия поехать по этой дороге, уехать от городского шума, от

⁶ Район недалеко от центра Рейкьявика, расположенный на одноименном холме и застроенный в основном маленькими живописными домами начала XX века.

⁷ Речь идет о географических объектах к югу от Рейкьявика. «Теснина» – прозвище дороги через горный перевал близ города Кверагерди, Стокксэйри и Эйрарбакки – небольшие города на южном побережье.

суеты полицейского участка. В одну зиму машина Конрауда дважды застряла в снегу. Правда, иногда в дороге он все же немного развлекался, расслаблялся, проезжал через города Квергерди и Сельфосс и покупал мороженое. КПЗ много лет находилась на улице Сидюмули, на очень удобном расстоянии от полицейского участка. Хьяльталин когда-то сидел там. А теперь другие времена, думал Конрауд, катя по Южноисландскому шоссе мимо Маленькой кофейни и горы Вивильсфетль.

Он наконец надумал навестить Хьяльталина. Не потому что Хьяльталин настаивал на том и не желал говорить ни с кем другим, а потому что давным-давно потратил много времени на расследование этого дела и, в сущности, так и не прекратил поиски разгадок. Он истово трудился над этим вместе с другими сотрудниками отдела расследований, однако безрезультатно. Особенность того дела заключалась в том, что раскрыть его было не просто – в отличие от многих других громких преступлений: там дела обычно закрывались за пару дней. Расследование быстро пошло по всем возможным направлениям, ему до обидного не хватало ясного курса, труп так и не был найден, и хотя основным подозреваемым был Хьяльталин, еще большее множество народу было допрошено и получило статус подозреваемых. Обнаружение трупа на леднике вновь открыло это дело.

У Конрауда душа не лежала к тому, чтоб продолжать это расследование. Когда-то Хьяльталину втемяшилось в голову, что Конрауду можно доверять больше, чем другим полицейским, и сложилось так, что общался с ним в основном он. Он решил, что именно в этом кроется причина желания Хьяльталина говорить только с ним, а не с другими. Полиция уступила требованиям задержанного, да и Конрауд тоже. Участвовать в этом еще каким-нибудь образом он не собирался. Он привык к удобствам на пенсии, к свободному времени, к тому, что он сам себе хозяин и ему как раз не надо ни для кого стараться, ни за что отвечать. Он свой долг выполнил. Теперь черед других. Если в ходе его встречи с Хьяльталином выяснится что-нибудь полезное для полиции – прекрасно. А в остальном Конрауд не желал вмешиваться в ход расследования.

Когда он узнал об обнаружении трупа, ему позвонил сын, отлично знавший дело, которое его отцу не удалось раскрыть, и он хотел узнать, о чем Конрауд думает сейчас, когда тело Сигюрвина наконец нашлось. Конрауд сказал, что рад вновь полученным новым сведениям, а думает в основном о семье Сигюрвина, которая долго мучилась неизвестностью о его судьбе.

Конрауд в последнее время испытывал трудности со сном, и это усугублялось тем, что его голова была занята мыслями о Хьяльталине и Сигюрвине и этом старом деле, и о том, как его расследовали, и можно ли было где-нибудь постараться лучше. Он уже не в первый раз мучился без сна, одолеваемый этими мыслями. За тридцать с лишним лет многое изменилось. В те годы в стране еще существовал суровый запрет на продажу пива. Было только одно Гостелерадио, выпускавшее один телеканал. Алюминиевых заводов было меньше. Самой большой гидроэлектростанции Европы, близ горы Каурахньок⁸, еще и в проекте не было. Тогда зимой в столице регулярно выпадал снег. Не было засилия Интернета и мобильных телефонов. Домашних компьютеров и то почти не было. Приватизация банков, неразбериха в финансах, заносчивое поглупение власть имущих и движителей экономики, экономический кризис – все это еще только ждало своего часа в следующем столетии. А двухтысячный год находился в немыслимой дали и был чем-то из области научной фантастики.

Студеным февральским днем в отделении полиции на улице Квервисгата раздался телефонный звонок. Уже сгущались сумерки, по улицам мели холодные ветра. Женщина в теле-

⁸ Электростанция на Восточном высокогорье Исландии, строилась в 2002–2006 гг. для выработки электричества на экспорт. Для водохранилища был вырыт гигантский котлован, куда были отведены несколько рек. Строительство этой электростанции считается самым крупным в истории Исландии. Также оно известно тем, что вызвало масштабные протесты экоактивистов в Исландии и за ее пределами и общественное возмущение, связанное с условиями труда строителей электростанции (в основном трудовых мигрантов).

фоне собиралась подать заявление об исчезновении мужчины тридцати с небольшим лет, своего брата по имени Сигюрвин. В последний раз она говорила с ним по телефону два дня назад. Они договорились встретиться, а он так и не объявился. Она попыталась разыскать его, звонила ему домой, но все напрасно. Он руководил фирмой, и там ей сказали, что ее брат уже два дня не приходил на работу. Она приезжала к его дому, стучалась, в конце концов велела слесарю вскрыть замок: она боялась, что Сигюрвин лежит больной, не в состоянии снять трубку, или отключил телефон. Она обыскала весь дом, звала его – но его не было. Она не знала, чтобы он куда-нибудь уехал. Обычно, когда он собирался за границу, то предупреждал ее. А его паспорт она нашла в ящике шкафа в гостиной. Жил он один, недавно развелся, и у него была дочь.

В полиции посчитали, что он еще найдется, ведь с тех пор, как поступили последние сведения о его передвижениях, прошло мало времени. Однако там записали его словесный портрет, взяли у сестры его фотографию и известили прессу и полицейские участки по всей стране. Судя по тому, что паспорт остался дома, если Сигюрвин и вылетел за границу, то только под фальшивым паспортом или каким-нибудь образом проскочив паспортный контроль. Когда с сестрой поделились соображениями о такой возможности, она отрицала ее: зачем ему фальшивый паспорт?

Через некоторое время вызвали службу спасения и приступили к исполнению плана, обычно применяющегося в подобных случаях. Прочесали все взморье в окрестностях Рейкьявика. Этим заинтересовались газеты: они постоянно писали о пропавшем человеке. Граждан просили сообщать, если они что-нибудь знают о его местонахождении, даже если эти сведения и кажутся незначительными, – и вскоре его джип был обнаружен на холме Эскьюхлид возле цистерн. Рейкьявикская полиция опубликовала номер для связи – и отовсюду начали стекаться наблюдения, среди которых попадались и более-менее ценные. Их все пытались принимать в расчет. Однажды позвонила женщина, которая не представилась, взволнованно тараторила и повесила трубку, как только высказала все, что считала нужным. Она слышала, как на площадке перед зданием фирмы бывший клиент угрожал убить его.

Эти сведения были переданы Конрауду, и он установил, что человек по имени Хьяльталин какое-то время угрожал Сигюрвину. Считая, что тот украл у него не один миллион крон. Они тогда сообща владели тремя судами и рыболовецким предприятием. Все дела вел Сигюрвин, а Хьяльталин был всего лишь совладельцем, к ежедневной рутине не приближался, а сам держал магазин одежды в Рейкьявике и фирму по импорту, владел акциями еще в одном-двух предприятиях и хвастался тем, что ни разу не выходил в море. Познакомились они в Коммерческом училище, и Сигюрвин убедил Хьяльталину вместе с ним купить лодку. Вскоре лодок стало две, а потом и три, и они вместе возглавили рыболовецкое предприятие: молодые, нетерпеливые, дерзкие. Сигюрвин подал Хьяльталину идею продать свою долю, тот согласился, они составили и подписали договор. Но через короткое время Хьяльталин принялся обвинять Сигюрвина в том, что он его облапошил: мол, предприятие представляло большую ценность, чем показывал Сигюрвин, а со временем, если действовать умно, ценность обещала увеличиться: тогда только что ввели систему квот на рыболовный промысел, призванную ограничить доступ к рыбным банкам и тем самым поднять ценность уже существующих предприятий еще выше. Узнав больше об этом нововведении, Хьяльталин призадумался и посоветовался со специалистами, которые показали ему совсем другую картину будущего развития, чем та, что нарисовал ему Сигюрвин. Хьяльталин заявил, что он доверял другу, а Сигюрвин отрицал, что облапошил его: мол, бизнес есть бизнес, мол, Хьяльталин сам подписал договор, никто его к этому не принуждал, а значит, тема закрыта.

Свидетели, опрошенные полицией, утверждали, что с тех пор отношения между друзьями стали натянутыми. Хьяльталин не раз приходил к Сигюрвину на работу и скандалил с ним, хлопал дверьми, угрожал и даже караулил его в машине перед зданием.

– Берегись! – кричал Хьяльталин, когда приходил в последний раз. – Берегись, гад ты эдакий! Я этого так не оставлю!

Это произошло за три недели до исчезновения Сигюрвина. В последний раз его видели вечером того дня, когда он говорил с сестрой по телефону. Один из сотрудников Сигюрвина заметил, как тот стоит у своей машины на автостоянке фирмы и разговаривает с человеком, которого тот же сотрудник позднее опознал как Хьяльталина. Конрауд разыскал свидетеля, который пожелал остаться неизвестным, по той причине, что был «давнишним другом» полиции, сидел в тюрьме за кражи и другие преступления и стремился поменьше иметь дело с «лёггами». Зато о том, что он слышал, он нашептал своим друзьям, и кто-то из них позвонил в полицию и сообщил, что бывший клиент угрожал убить Сигюрвина.

Тот сотрудник плохо расслышал их разговор – кроме того момента, когда Хьяльталин повысил голос, показал Сигюрвину кулак и убежал прочь со словами:

– ...Слышал... Убью тебя, гад!..

6

Конрауда пропустили в синие ворота. Свой джип он припарковал перед зданием тюрьмы Литла-Хрёйн, вышел и окинул взглядом живописное здание в стиле старинных исландских хуторских построек с несколькими остроконечными крышами в ряд. Оно было выкрашено белым – как сама невинность.

Директор тюрьмы был его знакомым, он сел в его кабинете и стал пить кофе. Они стали обсуждать это неслыханное дело: что тело Сигюрвина через столько лет нашлось, а также разговаривать о том, и как ледники из года в год тают, и не кроются ли подо льдом и другие такие тайны.

– Это еще выяснится, – сказал директор тюрьмы, провожая Конрауда к небольшому крылу здания, где размещалась КПЗ. – Не факт, что Хьяльталин долго здесь пробудет: в Верховном суде приговор о его задержании пересматривают. Они считают, что его отпустят.

– Да, я удивился, что его вообще отправили сюда. Ведь на теле Сигюрвина не было обнаружено следов, доказывающих, что виновен именно он.

– Он собирался бежать из страны. В смысле, Хьяльталин.

– Да, это точно.

– А ты знал, что он болен?

– Кто?

– Хьяльталин. И когда его поместили сюда, его состояние сильно ухудшилось.

– Нет, не знал. А чем он болен?

– Он только что закончил курс медикаментозной терапии по причине раковой опухоли в горле. Так что это еще вопрос о милосердии. С тех пор, как его привезли сюда, он все время лежит, и ему вредно напрягаться. Он попросил разрешения поговорить с тобой в своей камере, чтоб не сидеть в помещении для допросов. И для него делали исключение. Наверно, Марта и другие тебе уже об этом рассказали.

– Нет, – ответил Конрауд. – Я не знал. А что, у него это очень серьезно? Он вылечится?

– Не знаю.

Они расстались перед входом в коридор, и надзиратель провел Конрауда в камеру Хьяльталина. За ними наблюдали двое сотрудников отдела расследований, но они не стали входить. Адвоката Хьяльталина нигде не было. С формальной точки зрения, Конрауд был привлечен для временной работы по расследованию этого дела. Вообще говоря, о его встрече с Хьяльталином должно было знать как можно меньше народу.

Надзиратель открыл дверь камеры, пригласил Конрауда войти и тщательно запер за ним. Его шаги удалились по коридору.

Хьяльталин лежал, вытянувшись, на бетонных нарах, выроставших из пола вдоль длинной стены. Глазам представляли стул, маленький письменный стол, умывальник и унитаз. Из зарешеченного окна над нарами падал белесый свет. На столе лежала Библия. В воздухе стоял слабый запах моющих средств.

– Я слышал о твоей болезни, – сказал Конрауд. – Не надо было тебя сюда сажать.

Хьяльталин улыбнулся. Он не поднялся на постели, а так и продолжил лежать на спине, подложив одну руку под голову, смотря на Конрауда из-под полужакрытых век, как будто гость был ему не очень интересен. Однако он ждал этой встречи. Точнее, требовал ее. Они не виделись несколько десятков лет, если не считать одного эпизода, о котором Конрауд хотел бы забыть. Он не сразу сообразил, что и как. Хьяльталин постарел и сильно осунулся. Конрауд решил, что это, наверно, от болезни. Из-за терапии он облысел, и сейчас стало еще лучше видно, какой длинный у него подбородок и как вытаращены голубые глаза на худощавом бесцветном лице. Голова была почти белоснежной. Как будто Хьяльталин превратился в пожилого альбиноса.

– Их это не касается, – тихо ответил Хьяльталин. И голос его был хриплым и грубым. – А ты хорошо выглядишь.

– Они считали, будто ты собирался сбежать.

– А они это записывают? То, что мы с тобой говорим? – поинтересовался Хьяльталин.

– Нет, – ответил Конрауд. – Во всяком случае, мне об этом не известно.

Он пододвинул стул и сел. Библия на столе была собственностью тюрьмы: потрепанная, корешок обшарпанный, обложка истертая.

– Я знал, что они до меня доберутся, – сказал Хьяльталин. – Я хотел убраться.

– По-моему, в Таиланд, – сказал Конрауд.

– Великолепное местечко, – заметил Хьяльталин, смотря в потолок. – Мне не хотелось снова в такую камеру.

– Не думаю, что нас подслушивают, но потом меня наверняка спросят, что ты мне сказал. По-моему, ты ведь ни с кем не разговаривал. Даже со своим адвокатом.

– Как только я услышал, кого нашли, что это Сигюрвин – я тотчас выехал в аэропорт. Купил билет до Лондона, а оттуда прямо до Таиланда. Но они ужасно быстро сообразили. Я ведь уже в самолет вошел. Ты знал?

– Нет, – ответил Конрауд.

– Они решили, что я пустился в бега, потому что виновен, – продолжал Хьяльталин. – А если б я был невиновен, то и не стал бы. Но я бежал как раз потому, что был невиновен. От вот этого всего бежал. От такой вот камеры. От всей этой мутотени. Мне хотелось спокойно умереть. Вот так... и больше ничего.

– Ты сказал сотрудникам полиции, что это совпадение: ты собрался в Таиланд как раз тогда, когда нашли Сигюрвина. Тебе самому это кажется правдоподобным?

Хьяльталин закрыл глаза.

– Я тебе не вру, Конрауд. Я тебе об этом деле никогда не врал.

– Да, конечно.

Сотрудники полиции, тридцать лет назад расследовавшие это дело, обнаружили, что Хьяльталину на удивление легко удавалось говорить им неправду и что он вообще патологический лгун. Он всячески изворачивался, и его неоднократно ловили на лжи. Часто он намекал на одно, а через некоторое время утверждал совсем другое и противоречил сам себе. Судя по всему, он не придавал своему вранью особенно серьезного значения, а лгал, чтобы затянуть и запутать расследование об исчезновении Сигюрвина.

– Сочувствую, что ты так болен, – сказал Конрауд.

– Спасибо.

– А по-твоему, разумно в таком состоянии тащиться в Азию?

– Я хотел посмотреть их нетрадиционную медицину. Нашел врача, который... да ты ведь мне не веришь, да?

– А почему же ты тогда хотел со мной встретиться?

– Ты меня понимаешь.

– Я не... по-моему, никто не может понять...

– А ты знаешь, Конрауд, каково это – быть в таком положении – как у меня? Знаешь, каково? Представляешь?

– Нет, – сказал Конрауд. – Я такого никогда не испытывал.

– Оно все время преследовало меня, это дело. С самой моей молодости. Потому что я когда-то якобы угрожал Сигюрвину. Потому что я когда-то якобы что-то такое крикнул ему на стоянке, а кто-то из ваших знакомых что-то там такое услышал.

– Да.

Хьяльталиин не сводил глаз с потолка.

– Врачи считают, что мне вредно много разговаривать. Они говорят, что мне как можно реже надо пользоваться голосом. Раковая опухоль уже распространилась. Они думали, этого не случится – а оно взяло и случилось.

– По-твоему, не лучше ли сейчас воспользоваться возможностью и облегчить свою совесть? На случай, если потом будет совсем уж плохо?

– Облегчить совесть? Как? Я же ничего не сделал. И ты мне поверил, я знаю. Ты был единственным, кто усомнился. Все время сомневался.

Свидетель, «давнишний друг» полиции, описал человека на стоянке, и это описание подошло к Хьяльталину. Полиция нагрянула к нему домой, но он заявил, что не был там с Сигюрвином и никому не угрожал. Его спросили, не хочет ли он доказать, что его не могло быть на той стоянке, придя на очную ставку: встать в ряд вместе с другими и посмотреть, на кого из них укажет свидетель. Он без колебаний ответил: «Ну, разумеется».

– Это он, – сказал «давнишний друг» полиции, едва завидев Хьяльталину.

– Вы уверены? – переспросили его.

– Да.

– Может, взглянете еще раз? Времени у нас много.

– Нет, это он, – настаивал свидетель.

Домой Хьяльталину не отпустили. Его завели в камеру и позволили позвонить адвокату. Он протестовал против такого обращения, уверял, что пришел добровольно и что это недоразумение. Свидетель был уверенным и назвал точное время, в которое произошла ссора тех двоих. Хьяльталину тотчас попросили назвать, где он был в это время. Он ответил, что не помнит. Когда через некоторое время его снова спросили об этом и осведомились, кто может подтвердить это, он назвал девушку, с которой у него был роман, и сказал, что они с ней были у него дома. Полиция тотчас связалась с девушкой. Хьяльталину поговорил с ней в полицейском управлении. Она работала в принадлежащем ему магазине одежды и некоторое время находилась с ним в «отношениях». Она подтвердила слова своего возлюбленного, но Конрауд ощутил у нее какую-то неуверенность. Она явно была не готова к тому, что ее будут допрашивать в полиции на улице Квервисгата в связи с исчезновением человека или даже убийством, к которому проявляла неиссякающий интерес пресса. К тому же она раньше никогда не имела дела с полицией, и по ней было заметно, что она совершенно растерялась. Но было еще кое-что. Резинка, которую она постоянно вертела в пальцах. То, как она не смотрела в глаза, но постоянно поглядывала на закрытую дверь и спрашивала: «Уже все?» Сконфуженная улыбка. Через два часа Конрауд добился от нее, что она была у Хьяльталину дома и ушла одновременно с ним. А куда он пошел после того, она не знала. Время совпадало с разговором на стоянке. Затем он позвонил ей и попросил сказать, что она весь вечер была у него, если ее спросят – что он считал маловероятным.

- Когда? – спросил Конрауд и посмотрел на резинку, которую теребила девушка.
 - Что?
 - Когда он позвонил и попросил об этом?
 - Нууу, эдак через несколько дней.
 - После того, как начались поиски Сигюрвина?
 - Да.
 - Вы уверены? Именно после начала поисков? Это очень важно.
 - Да. После того, как все бросились его искать.
 - А он сказал, куда пойдет? – спросил Конрауд. – Куда Хьяльталин собирался идти в тот вечер?
 - Он сказал что-то насчет встречи с другом и каких-то вин.
- Конрауд уставился на нее.
- Вин?
 - Да.
 - А может, он сказал «Сигюрвин»?
 - Не знаю. Что-то там насчет вин.
 - Я вас не понимаю: куда и зачем Хьяльталин в итоге ходил?
 - Да не знаю я. Я не расслышала.

Адвокат Хьяльталины, потребовавший, чтоб задержанного отпустили, догадался, почему он попросил девушку соврать о нем после того, как начались поиски Сигюрвина. Его логика была такова: Хьяльталин подозревал, что в исчезновении Сигюрвина обвинят именно его, так как у них был совместный бизнес и они поссорились, – так что ему захотелось защитить себя. Конечно, получилось у него нелепо, по-дурацки, зато все было весьма понятно и по-человечески. Если б он попросил девушку солгать до того, как было заявлено об исчезновении Сигюрвина, все выглядело бы совсем по-другому. Тогда можно было бы предположить, что он что-то знал о его судьбе.

Время, которое назвала девушка, было довольно-таки точным, и если верить ей, то Хьяльталин вполне мог прийти прямо в фирму к Сигюрвину и застать его там. И тут Хьяльталин изменил свой рассказ. Сейчас он вдруг вспомнил, что поговорил с Сигюрвином на стойке, а оттуда пошел к женщине, называть которую он не хотел, потому что она была замужем.

Конрауд посмотрел на Библию в тюремной камере и задумался, читал ли ее Хьяльталин, известны ли ему слова из Евангелия от Луки: «Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом».

– Я ее каждый день читаю, – сказал Хьяльталин, заметив, что Конрауд не сводит глаз с книги. – Она мне очень помогает.

7

Скорее всего, Хьяльталин заснул. Он закрыл глаза, дыхание стало размереннее. Конрауд молча сидел у его постели и думал, что ему, вероятно, недолго осталось. Вид у него был очень усталый и бледный, почти белый, как известь, цвет явно свидетельствовал о том, что болезнь побеждает его.

– Ты прошлое вспоминаешь? – раздался хриплый голос Хьяльталины, все еще лежащего с закрытыми глазами. – Я вот часто вспоминаю. Нехорошее было время.

– Да вроде ты нормально его пережил, – сказал Конрауд. – Им хочется узнать, как ты его на ледник затащил. Тебя задержали две недели спустя после исчезновения Сигюрвина, так что у тебя было достаточно времени, чтобы спрятать тело.

Хьяльталин открыл глаз и долго смотрел в потолок. Затем он не спеша поднялся и сел на край нар, закрыл лицо руками, тяжело простонал, провел рукой по лысой голове и посмотрел на Конрауда.

– Я на тот ледник и шагу не делал, – прошептал он слабым голосом. – Конрауд, ты это прекращай. Мне ведь уже недолго осталось.

– В то время у тебя был джип.

– У всех были джипы. Не надо со мной так. Конрауд, ты должен был раскрыть это дело. Только посмотри, что ты со мной сделал. Ты меня просто убил. Ведь то, что у меня было – это не жизнь. На меня все смотрят как на убийцу. Все думают, что это я его уколошил. На меня все пялятся, и... вот как ты думаешь, Конрауд, каково это? Как, по-твоему, жить с этим? В этом аду? Ты должен был найти того, кто сделал это. А ты этого не сделал – слабак несчастный! И все вы слабаки. Все до одного! Придурки никчемные!

Конрауд почувствовал, насколько обессилел Хьяльталин, и молча сидел, слушая этот шквал обвинений. Ему было жаль своего собеседника, он понимал, что тому пришлось хлебнуть в жизни горя, начиная с первого раза, когда его задержали по подозрению в убийстве.

– А женщина, у которой ты, по твоим словам, был. Замужняя, которую ты не хотел называть...

– Она не имеет значения.

– Потому что ее и не существовало, – сказал Конрауд. – Почему ты до сих пор придуриваешься? Ты поскандалил с Сигюрвином, угрожал ему, следовал за ним по пятам, выслеживал его, ждал подходящего момента, а потом напал на него у цистерн на Эскьюхлид.

Хьяльталин бросил на него взгляд.

– Ты же сказал, что веришь мне.

Конрауд встал. Он больше не видел смысла в этом разговоре.

– Я сказал, что не уверен до конца. Мне не надо было этого говорить. Тебе не надо было принимать это во внимание. Ты до сих пор единственный подозреваемый. Это не изменилось. И то загадочное бегство тоже не улучшает твоего положения.

– Но ведь ты говорил...

Хьяльталин неоднократно требовал от Конрауда, чтоб полиция обратила взоры в другую сторону. Полиция считала, что сделала в том смысле достаточно. Все указывало на Хьяльталина. Когда-то после долгого дня Конрауд был усталым и в плохом настроении и высказался так, чтоб Хьяльталин услышал, что, наверно, он невиновен, и, может, полиция просто недостаточно рассмотрела другие возможности. Хьяльталин ухватился за эту фразу.

– Для чего ты позвал меня? – спросил Конрауд. – Тебе же нечего мне сказать. Ты по-прежнему твердишь все одно и то же, как раньше.

– Ты единственный человек, с которым я могу поговорить. Я тебя знаю. Иногда мы беседовали и о других вещах кроме этого проклятого Сигюрвина.

– Это было давно.

– Я думал, мы друзья.

– Это ты неправильно думал.

– Да ну?

– Увы, это так. Никакие мы не друзья, и тебе это известно. Не знаю, что ты пытаешься, но...

Тут он увидел, что Хьяльталин разозлился. Конрауду удалось его задеть.

– Ты... По-твоему, ты чем-то лучше меня? Простейшего дела раскрыть не можешь!

– Давай прекратим. Надеюсь, тебе не слишком плохо, ты поправишься, и... мне очень жаль видеть тебя в таком состоянии, но помочь тебе я ничем не могу, увы. Так что...

– А тот придурок, Лео, в полиции все еще работает?

– Лео? Да, а что?

– Сволочь он, вот что. Он меня сломать пытался. Все талдычил, что я вру. И что я виновен.

– Ты про многих из нас говорил то же самое.

– Про тебя не говорил.

Хьяльталин долго смотрел на Конрауда своими ясными голубыми глазами, похожими на оазисы на высохшем лице.

– Перед твоим приходом я думал о твоём папаше, – произнес он.

– Ты опять за старое? – спросил Конрауд.

– Они мне сказали, что он вовсе не ангел. Помнишь? Сказали, что он просто прощельга.

Конрауд улыбнулся. Во время допросов на Сидюмули Хьяльталин порой переводил разговор на его отца. Кто-то проболтался ему о нём, и Хьяльталин не переставал доводить этим Конрауда.

– Забавно, что ты так сильно мною интересуешься, – сказал он.

– Тебе, наверное, не по себе стало, когда это произошло? – спросил Хьяльталин. – Наверное, это тяжело. Вы с ним были в хороших отношениях? Или он был распоследним негодяем, как они сказали? Лёгги с Сидюмули. Твои коллеги. Твои дружки. Они сказали, что он мамашу твою лупил. Это правда? Стоял и на это смотрел?

Конрауд не ответил ему.

– Они говорили, что он проходимец.

– Не волнуйся так о нём, – сказал Конрауд.

– Они сказали, что, наверное, его за дело зарезали у Скотобойни. Как, по-твоему, за дело ведь? Из-за твоей мамы?

– Что ты от меня хочешь, Хьяльталин?

– Я надеялся, что ты не как он. Я надеялся, что ты не такая же сволочь.

– Успокойся, – сказал Конрауд, собираясь уходить. – Я больше так не хочу.

– Что ты на это скажешь? Кто-нибудь может от такого человека уйти невредимым? От таких обстоятельств? В тебе ведь что-то от него есть? В тебе сидит какой-то бесенок?

– До свидания.

– Ты же так и не узнал, что случилось, когда его зарезали, да? – спросил Хьяльталин, не желая так легко отпускать Конрауда. – Наверное, тебе не терпелось узнать. В самом начале. А что потом? Когда ответов так и не нашлось? Тебе стало неинтересно? Это больше было неважно? Он того не стоил? Ведь он все равно сволочь и прощельга?

Конрауд не дал ему выбить себя из седла.

– Дело было в этом? – продолжал Хьяльталин. – В том, что он того не стоил?

– Мне пора, – сказал Конрауд. – Ты, как всегда, начал пороть какую-то горячку.

– Ты мне друг, Конрауд. Знаю, ты сам это отрицаешь, не хочешь им быть, всячески отмахиваешься, но ты – мой единственный друг среди всей этой мутотени. И всегда был другом. Ты понимаешь таких, как я. Как я и твой папаша. Я это признаю. Я не идеален. Но Сигюрвина я не убивал. Это сделал не я!

Хьяльталин снова лег.

– Хочу попросить у тебя кое-что, – сказал он. – Если я долго не протяну. Прошу тебя: найди того, кто это сделал.

– Они считают, что уже нашли его.

– Но это же не я, – возразил Хьяльталин. – Я бы, Конрауд, на ледник ни за что не полез. Кого угодно спроси. Никогда.

– Но ты мог бы попросить кого-нибудь подняться за тебя на ледник, – ответил Конрауд. – Кого-нибудь, кого ты впутал в это дело.

Хьяльталин не ответил. Было по-прежнему невозможно определить, встретил ли Сигюрвин свою смерть на леднике или его перевезли туда уже потом. Первая версия представлялась

менее вероятной. Сигюрвин не отличался любовью к походам, тем более – на ледник. Среди его имущества не нашлось вещей, которые свидетельствовали бы о подобных увлечениях. У него, как и у многих жителей Рейкьявика, были лыжи, но катался на них он только в горах Блауфьётль⁹. Джип у него был, но без специального оборудования, и снегоскутера у него никогда не было. Вторая версия была более правдоподобной: что Сигюрвина привезли на ледник уже мертвого.

– Но почему именно ледник? – спросил Конрауд. – Если уж тебе хотелось избавиться от тела, ты мог бы найти более удачное место. Ледники не уничтожают улики. Напротив, они их сохраняют. И сейчас он сохранил труп. Я видел Сигюрвина: он как будто только вчера умер. Ледник его не уничтожил, а совсем наоборот: как будто и не было этих тридцати лет.

Хьяльталин слабо улыбнулся:

– Ты для меня это сделаешь?

– Я больше в полиции не работаю, – сказал Конрауд. – Я приехал только потому, что ты на том так настаивал, а еще мне было немного любопытно, изменился ли ты в чем-нибудь. Да только вот проехал я впустую.

– Я хочу, чтоб ты очистил меня от этого раз и навсегда, – еле слышно проговорил Хьяльталин. Голос начинал подводить его. – Ты меня видишь? Смотри на меня! Я хочу, чтоб ты меня от этого очистил. Понимаешь, очистил! Я ему ничего не сделал. И вы не могли на меня ничего повесить, да и сейчас не можете. Я его на ледник не увозил. Это кто-то другой. Но не я!

Хьяльталин поднялся и устоялся на Конрауда.

– Это не я!

– До свидания.

– Если ты его когда-нибудь разыщешь, отыграйся на нем хорошенько, – проговорил Хьяльталин и вновь сник. – Сделаешь это ради меня? Отыграешься на нем за то, что он устроил мне...

Конрауд был рад выйти под открытое небо. В камере его охватило неприятное чувство, а белое больное лицо Хьяльталины только усугубляло его. Он отчитался об их встрече и не спеша двинул домой, решил поехать через Сельфосс. В Эльвюсе погода была ясная, и он сам не успел заметить, как уже въехал на Хетлискейди, проехал мимо вечных столбов пара на термальной электростанции и увидел вдалеке у голубого залива столицу. Посещение тюрьмы все никак не шло у него из головы: слабый голос, лицо Хьяльталины, отмеченное печатью смерти, слова надзирателя, которого Конрауд спросил, читает ли Хьяльталин Библию:

– Я никогда не видел, чтоб он ее открывал, – сказал надзиратель, опровергая слова самого Хьяльталины. – Он говорил, что ему она не поможет.

Когда, уже за полночь, Конрауд лежал в своей кровати, а на улице хлынул дождь как из ведра, – он все еще думал об этом своем визите. Он не знал, кто проболтался Хьяльталину о судьбе его отца тогда, тридцать лет назад. Во время своего предварительного заключения он начал расспрашивать Конрауда о нем во всякое подходящее и неподходящее время, сначала нерешительно, а потом все более и более дерзко, и в конце концов не одна их встреча уже не обходилась без упоминаний об отце Конрауда. Хьяльталин нащупал у своего тюремщика слабое место.

– А как ты думаешь, почему его убили? – спрашивал он. – Когда ты начал работать в полиции, ты никогда не пытался выяснить причину? Как вы вообще ладили? Он был хорошим отцом или как? Он с тобой лучше обращался, чем с твоей матерью?

Конрауд пытался игнорировать такие вопросы, но в конце концов сдался и подробно рассказал Хьяльталину о том, как убили его отца, надеясь: а вдруг это развяжет заключенному

⁹ Горный массив недалеко от Рейкьявика. На нем находится горнолыжная база.

язык. Во время этого убийства Конрауду было восемнадцать лет. Он сказал Хьяльталину, что его отца дважды пырнули ножом и потом не нашли ни убийцу, ни орудие убийства. В свое время подробности этого убийства обсуждались в прессе, и Конрауд просто пересказывал ее материалы. Когда Хьяльталину захотелось узнать больше: как он себя чувствовал, да почему его родители разошлись к моменту убийства, – Конрауд отказался говорить с ним дальше. Тут предварительное заключение подошло к концу.

– И вот – ты теперь и сам полицейский, – сказал Хьяльталин, когда его выпускали. – Сын того человека. Странно, да? Тут вообще все сходится?

Конрауд ворочался в постели, пытаясь направить свои мысли в другое русло. Когда он наконец задремал, сон не принес ему утешения. Ему снился Хьяльталин с известково-белым лицом и водянисто-голубыми глазами, – и он вскочил среди ночи, весь в поту, с неприятным ощущением.

Через некоторое время после их встречи в Литла-Хрёйн пришло решение Верховного суда о том, что нет основания для содержания Хьяльталина под стражей.

Через две недели Конрауду сообщили, что он скончался в онкологическом отделении Центральной больницы.

Хьяльталин до самой смерти отрицал свою причастность к гибели Сигюрвина.

8

Началась пора глубоких осенних циклонов: они выстраивались чередой над океаном и проходили над островом, неся дожди, бури и похолодание. Конрауд, выйдя на пенсию, заметил, что сутки как будто удлиннились вдвое – даже в это время года. Жизнь приняла особый оттенок безвременья. Минуты превратились в часы, и время тянулось, как ему заблагорассудится, освобожденное от оков рутины: дежурства – обеденные перерывы – сверхурочные – ужин – собрания – перерывы на кофе – рабочие дни – отгулы – выходные. Все это исчезло и превратилось в одну бесконечную субботу. Жизнь стала бесконечным выходным.

Порой он ходил на обед к сыну и засиживался у него до вечера. Он читал газеты и книги, лазил по Интернету, ходил в музеи, в кино, в театр, торчал в букинистических лавках, – словом, делал все то, что, как он считал, у него не было времени сделать, пока он исполнял свою функцию в обществе. Он ощущал себя туристом в этом городе и порой не успевал опомниться, как оказывалось, что он примкнул к какой-нибудь тургруппе где-нибудь в музее или на прогулке по Скоулавёрдхольту¹⁰. Внезапно вокруг него начинал звучать один лишь шведский. В очереди в ресторане к нему дважды обращались по-французски. Все это происходило из-за того, что он шатался по городу в то время, когда обычные люди были на работе.

В основном время измерялось сезонами. Лучше всего Конрауд чувствовал себя весной, когда день прибывал, растительность пробуждалась от зимнего сна, перелетные птицы возвращались в страну, а город оживал после зимы. Они с Эртной всегда много ездили по стране во время летнего отпуска, и у них были свои любимые места. Одно из них – ущелье Такгиль близ ледника Мирдальсйёкютль недалеко от Катлы. Они старались выбираться туда каждое лето. Он не любил осень, когда день убывал, а ветер гонял сухую листву по улицам. А зима была периодом покоя, ожидания, когда день вновь начнет прибывать.

Когда над страной прокатился еще один осенний циклон, неся бури и осадки, Конрауд зашел к Марте в отделение полиции на улице Квервисгата и спросил ее о последних минутах Хьяльталина на этом свете. Он предварительно позвонил ей после некоторого раздумья и спросил, могут ли они встретиться ненадолго. Это было несложно. Уйдя на пенсию, Конрауд

¹⁰ Холм и одноименный квартал в центре Рейкьявика.

редко заходил в полицейское управление и не знал новых сотрудников, – а старые сердечно приветствовали его, жали руку, спрашивали, как дела, говорили, что в этой стране все катится к чертям, да только это уже не новость.

Марте было немного за сорок, она была пухлая, большеголовая, необычно смуглая. Вкус в одежде у нее был скверный: широкие штаны да кофты, волосы, как правило, растрепанные. Она совсем не красила губ и не пользовалась духами. Когда-то она долго жила с женщиной с островов Вестманнаэйар, но потом они расстались, и она стала жить одна. Коллеги называли ее не иначе как «Марта не без фарта».

– Их похоронили с разницей всего в неделю, – сказала Марта, подавая ему кофе в пластиковом стаканчике. – Хьяльталина и Сигюрвина. Необычно, правда? Причем один из них скончался только что, а другой тридцать лет назад.

– Мне не сказали, что Хьяльталин был болен, – заметил Конрауд.

– Нет, наверное, мне надо было сказать. По-твоему, так хуже вышло?

– Он неважно выглядел.

– Мы не знали, что он так мало протянет.

– Вы нашли на леднике что-нибудь, что может пригодиться?

– Нет. Ничего. По-моему, это расследование пора закрыть полностью и окончательно.

– Хьяльталин так и не сознался?

– Нет.

– А почему тогда вы собираетесь закрывать дело?

– Это не я так решила. Тем, кто сидит наверху, показалось, что уже хватит.

– Он попросил меня найти убийцу.

– Он упорный. А ты ему что сказал?

– Что я уже не работаю.

Сванхильд в кулуарах обмолвилась, что причиной смерти Сигюрвина, как она сразу определила, стала черепно-мозговая травма. Два удара по затылку размозжили череп и привели к гибели. На руках Сигюрвина не было ни малейшего признака того, чтоб он защищался. Ногти были чистыми, тщательно подстриженными. Он недавно побывал в парикмахерской. Чтобы исследовать его внутренние органы, им сначала надо было дать оттаять. При вскрытии у Сванхильд так замерзли пальцы, что ей пришлось держать подле себя миску с теплой водой, чтоб время от времени согревать их. Содержимое желудка Сигюрвина говорил о том, что незадолго до гибели он поел: гамбургер и картошку фри, очевидно, в какой-нибудь забегаловке. В карманах у него ничего не обнаружилось кроме ключей от дома и кошелька. Все считали, что после работы и скандала на стоянке он ненадолго зашел домой и сменил деловой костюм на более удобную одежду, а потом снова сел в машину, купил фастфуда и поехал к цистернам с горячей водой на Эскьюхлид. В ту пору, когда его розыски были в самом разгаре, специально проверяли, не видели ли его в ресторанах быстрого питания или в закусовых на бензоколонках, но никто не мог этого подтвердить.

В свое время расследование не выявило в жизни Сигюрвина никаких вредных привычек или связи с преступным миром: ни с наркодилерами, ни с рэкетирами или ворами, – и уж подавно ни с какими более закоренелыми преступниками. Он исправно руководил своей фирмой, и у него работало множество людей, которые хорошо отзывались о владельце – своем начальнике. Что Сигюрвину могло понадобиться у цистерн, – неизвестно. В то время они стояли пустые, запущенные, а раньше из них поступала горячая вода с Эскьюхлид в город под действием силы тяготения. Когда пропал Сигюрвин, среди этих цистерн только играли дети. Они писали на их стенках, забирались внутрь, а некоторые даже отваживались залезать на самый верх – что конечно же было смертельно опасно.

– Значит, Сигюрвин встретил у старых цистерн на Эскьюхлид какого-то человека или людей и уже с ними поехал на ледник – если убили его все-таки там? – спросил Конрауд.

– Да, но он не был в теплом комбинезоне или другой походной одежде, – сказала Марта. – Тогда тот, с кем он поехал, должен был дать ему свою такую одежду, а потом снять ее с него, – а это получается маловероятная ситуация.

– Сигюрвин пропал в феврале, а одет не так, чтобы очень тепло: рубашка и легкая куртка. Он не собирался долго пробыть на улице.

– Нет, – согласилась Марта. – А еще он в кедах. В общем, он и из машины-то выходить не собирался. В последний вечер, когда его видели, у нас в Рейкьявике погода была отличная. С начала года напало много снега, а потом потеплело, но после этого снова подморозило. Когда Сигюрвин пропал, на улицах было пустынно. Ты это наверняка помнишь.

– А может, его силой заставили ехать на ледник? Он садится в свой джип – и вдруг оказывается, что он едет к леднику? Там доходит до драки, и он получает удар по голове? Или он туда по своей воле поехал?

– Вскрытие показало, что его отвезли туда уже после смерти. Он начал коченеть, и ткани стали разлагаться.

– Но почему ледник? Что там на вершине Лангйёкютля? Почему он отвез Сигюрвина именно туда?

– Хьяльталиин? Не знаю.

Конрауд пожал плечами, признавая свое поражение. Он помнил, как они нашли машину Сигюрвина. Ее объявили в розыск, и вскоре поступили сведения, что на вершине Эскьюхлид обнаружен красный джип «Чероки». Конрауд часто думал об этом джипе, потому что ему и самому хотелось такую машину: он считал, что она красивой формы и вполне вместительная, и интерьер интересный, и рычаг переключения скоростей на руле. Но если б у него были средства на такую машину, он не стал бы брать красную, лучше уж белую... К цистернам для горячей воды вела грунтовка, а в ее конце стоял джип – один, брошенный. Сигюрвина тщательно искали на Эскьюхлид и в его окрестностях, со служебными собаками – но безрезультатно. На грунтовке и возле цистерн было множество следов от колес, и с тех, что были ближе всего к джипу, были сделаны слепки. Было невозможно сказать, чтоб вокруг джипа происходила какая-то борьба. Человеческих следов на твердом грунте видно не было. Вершина Эскьюхлид была любимым местом для игр детей и смотровой площадкой, откуда открывался вид на город во все стороны, до самого залива Факсафлуои и на запад до ледника Снайфетльсйёкютль, на Хетлискейди, горы Блауфьётль, Эсью¹¹ и полуостров Рейкьянес.

– Вы навещали Хьяльталиина в больнице? – спросил Конрауд, допивая из чашки. С тех пор, как он работал в этом месте, кофе здесь лучше не стал.

– Нет, – ответила Марта. – В тюрьме ему стало хуже, и после того, как его выпустили, он отправился напрямиком в Центральную больницу. Его врач не ожидал, что все произойдет так быстро.

– Наверное, он испытал шок, когда Сигюрвин через столько лет нашелся, – заметил Конрауд.

– Да уж, можно представить.

– Но он ничем себя не выдал, когда я с ним виделся. Лежал на своей постели, спокойный, сдержанный. Конечно, в таком состоянии у него были совсем другие заботы.

– И он не сообщил ничего нового?

– Нет. Все твердил, что невиновен.

– Ты собираешься с этим что-то делать?

– Я не могу «с этим что-то сделать», – ответил Конрауд. – У меня возможности нет.

– Он просил тебя помочь ему.

¹¹ Гора, расположенная к северу от Рейкьявика, отделенная от него заливом, хорошо видная из западных и центральных районов города.

– Да.

– И?

– Никаких «и»! Ты его спрашивал про ключи от машины Сигюрвина?

– Он про них ничего не знал, – ответила Марта. – А ты его о них спрашивал?

– Я не знал, что их недосчитались. Когда я встречался с Хьяльталином, Сванхильд все еще исследовала тело. У Сигюрвина в кармане были ключи от дома и кошелек, а ключей от джипа не было. Согласись, это ведь странно? У кого же тогда его ключи?

Марта пожала плечами, как будто он мог с таким же успехом ждать ответа от ветра.

– Как-то это все халтурно выглядит, – сказал Конрауд. – Как будто работу до конца не доделали.

– В жизни не встречала такого отъявленного упрямца, как Хьяльталин, – заметила Марта, немного помолчав. – Он ведь знал, к чему все идет, когда мы его выпустили, знал, что ему осталось недолго.

– И ведь утверждал, что он Сигюрвина пальцем не трогал, – сказал Конрауд. – Хотя ему было нечего терять. Он же все равно был при смерти.

– И он продолжал все полностью отрицать, – произнесла Марта, смяла стаканчик из-под кофе и выкинула в мусорное ведро.

9

Сына Конрауда звали Хугоу, он работал в Центральной больнице и был специалистом по реабилитации инвалидов. Он постоянно ездил на конференции по всему миру вместе с женой – владелицей магазина в торговом центре «Крингла». Их дети часто гостили у Конрауда и Эртны, пока супруги были в разъездах, – двое бойких мальчишек, обожавших бабушку с дедушкой. Этим близнецам исполнилось двенадцать лет, и хотя они уверяли, что могут сами позаботиться о себе, о том, чтоб оставить их одних, не могло быть и речи. Конрауд взял их на несколько дней к себе и пообещал сводить их в кино. Они выбрали фильм – очень плохой боевик, абсолютно незнакомый Конрауду, с какой-то дутой голливудской звездой, рубившей полчища противников в капусту.

Он радовался, что внуки гостят у него, и он пытался их развлекать, хотя и подозревал, что родители вконец избаловали их. Вмешиваться в воспитание детей он не собирался. Больше всего его удивляло, как много у бедных ребят нагрузок: всю неделю их посылают туда-сюда, во всякие спортивные секции, музыкальные школы, курсы искусств и прочее, чего и не упомнишь.

– У этой публики амбиций выше крыши, – сказала как-то сестра Бета, когда однажды разговор зашел об этом.

Конрауд отвез мальчиков в школу утром, после школы повез на урок игры на гитаре, а потом они отправились в кино. Их гитары лежали в багажнике джипа, и когда вечером все вернулись домой, Конрауд попросил внуков показать, как они научились играть. Но те отказались, сказали только, что, мол, хватит с них и скуки на этих занятиях. Затем они оккупировали телевизор в гостиной, притащив туда свою игровую приставку, и пока не пришла пора спать, витали где-то в другом мире. Это было в пятницу, дальше предстояли выходные, так что Конрауд позволил им долго не ложиться. В полночь позвонил из Гётеборга его сын и велел ему отправить мальчиков спать. Он послушался.

В доме внуков явно были какие-то разговоры о трупe на леднике.

– Дедушка, – спросил один, укладываясь на подушку, – а ты знал того мертвеца, которого нашли на леднике?

– Нет, – ответил Конрауд.

– А папа говорит, что знал, – сказал другой, у которого после серии убийств в компьютерной игре глаза все еще были налиты кровью.

– Я с ним был не знаком, но я знаю, кто он.

– Папа говорит, что ты его много-много лет искал. Когда еще в полиции работал.

– Это правда.

– Но так и не нашел.

– Нет.

– А почему?

– Потому что он был спрятан на леднике. А фильм, на который вы меня затащили, просто никуда не годился.

– Не-е, он классный, – возразили близнецы. – Нормальный фильмец!

– Дурашки вы, – сказал Конрауд, улыбаясь про себя, а потом закрыл дверь.

Из кухни, где он прибирался перед отходом ко сну, ему было слышно хихиканье братьев, а когда они умолкли, раздался тихий стук в дверь. Сначала ему показалось, что это осенний ветер хлопает крышкой почтовой щели на входной двери, – но вот он услышал, как снова постучали, но этот раз сильнее. Он никого не ждал. Бета могла нагрянуть в любое время суток, но она врвалась прямо в дом, вооружившись ключом, и никогда тихонько не стучалась в дверь. Торговцы вряд ли стали бы ходить по домам в такой поздний час. Конрауд имел обыкновение покупать у бродячих продавцов сушеную рыбу и омаров, но они никогда не позволили бы себе потревожить его так поздно.

Конрауд подошел к входной двери, открыл и увидел на крыльце женщину неопределенного возраста.

– Я видела, у вас свет горит, – сказала она. – Можно поговорить с вами на минуточку?

Она робела и смущалась. Больше всего для ее описания подошло бы слово «застенчивая». Конрауд думал, что она хочет ему что-нибудь продать, всучить газету или лотерейный билет, и собрался было прогнать ее, но в выражении ее лица было что-то жалобное, что не позволило ему обходиться с ней неласково. Одета она была бедно: в потертые джинсы, коричневую куртку из кожзаменителя и фиолетовый свитер. На голове у нее была черная повязка, закрывающая уши, волосы светлые, густые, сама она была худощавая, с симпатичным лицом, но возраст и жизненный опыт прочертили на ее лице неяркие морщины, заставили губы поджаться, добавили мешки под глазами.

– Извините, что так поздно беспокою, – сказала она.

– А что вы продаете? – спросил Конрауд. – Ведь час уже поздний, и вы это сами понимаете.

Он выглянул во двор, чтоб проверить, одна ли она. Несколько раз бывало, что люди, с которыми Конрауду приходилось общаться по долгу службы, не только говорили ему всякий вздор по телефону, но и поджидали его на улице после работы, желая что-нибудь выяснить. Но никаких проблем из-за этого не возникало. В те разы во всем был явно замешан Бахус. Конрауд успокаивал визитера, если он злился, или выслушивал поток болтовни, если на того находил такой стих, и после этого ему удавалось спровадить его по-хорошему.

– Нет, ничего я не продаю, – сказала женщина. – Я вам хотела кое-что рассказать про моего брата. Можно, я на минуточку зайду?

– Брата? Я с ним знаком?

– Нет, – ответила женщина. – Не думаю.

– А я должен его знать?

– Нет.

– Почему же вы тогда хотите рассказать мне о своем брате?

– Потому что он видел кое-что в детстве. Под цистернами на Эскьюхлид.

10

Последние слова незнакомка произнесла таким тихим шепотом, что Конрауд едва слышал их. Он пристально посмотрел на нее и сразу понял, о чем она говорит, когда она упомянула цистерны на Эскьюхлид, – те самые цистерны, возле которых обнаружили брошенный джип Сигюрвина. Под его взглядом женщина опустила глаза, словно сказала что-то стыдное. На некоторое время повисло молчание, нарушаемое лишь громким шумом проезжающей мимо дома машины. Конрауд точно знал, что видит эту женщину в первый раз: в расследовании дела об исчезновении Сигюрвина она нигде не фигурировала.

– Я полагаю, вы имели в виду дело Сигюрвина? – осторожно спросил он. – Когда сказали про цистерны?

– Простите, я в такое дурацкое время пришла.

– Ничего страшного.

– А войти можно? – спросила женщина.

– Прошу, – сказал Конрауд, открыл дверь пошире и впустил ее в прихожую. – Я не собирался вас на улице держать. Я не привык принимать гостей так поздно вечером. То есть ночью.

Он посмотрел на свои наручные часы. Было двенадцать часов ночи. Женщина тихонько прошла в гостиную, все такая же робкая и нерешительная, окинула ее взглядом, посмотрела на картины на стенах и книжные шкафы.

– Садитесь, – предложил Конрауд. – Кофе хотите? Или что-нибудь другое?

– Против кофе я не возражаю, – ответила женщина. – Меня зовут Хердис, – добавила она, подавая ему руку. – А можно мне в кофе что-нибудь налить, а то я замерзла. Тут ветер задул с севера.

– Сделаем, – ответил Конрауд.

Женщина уселась на стул в гостиной и продолжила осматриваться вокруг, а Конрауд тем временем сварил кофе и вынул бутылку водки, которую держал в одном из кухонных шкафов вместе с джином и ромом. Пил он умеренно и обычно одно лишь красное вино. Он налил в другую чашку щедрую дозу алкоголя, удивляясь этому неожиданному ночному визиту. Он недоумевал, почему она пришла к нему домой в такое время суток, а не стала говорить с полицией. Про себя он решил, что она, наверно, думает, что он до сих пор расследует дело об исчезновении Сигюрвина. В свое время его имя часто мелькало в прессе, порой ему приходилось брать на себя роль посредника между полицией и общественностью. Возвращаясь в гостиную, он заглянул к внукам, но они крепко спали, и он снова закрыл дверь в их комнату.

– Да, сейчас идет похолодание, – произнес он, усаживаясь рядом с женщиной и подавая ей чашку с кофе.

Кофе был не горячий, она взяла чашку, залпом осушила ее и отдала обратно.

– Хотите вторую? – спросил он.

Она кивнула. Конрауд снова сходил на кухню, принес кофейник и бутылку и поставил перед женщиной. Она налила в чашку немножко кофе, остаток долила водкой и выпила половину. Затем она допила. Конрауд терпеливо ждал.

– Ему было всего девять лет, – начала она, когда наконец согрелась. – Мы были очень бедными. Ютились в подвале в районе Хлидар¹² и целыми днями играли на улице. Шлялись по тротуарам, гоняли в футбол на Кламбратуне¹³ и часто ходили играть на Эскьюхлид. Для нас, детей, там было очень интересно. Ну, понятно: остатки британских укреплений времен

¹² Район Рейкьявика возле Эскьюхлид.

¹³ Большой луг через дорогу от Хлидар. (Сейчас на нем размещается музей художника Кьярваля).

войны, каменоломня и лес. Все это... и на вершине холма цистерны... это был прямо-таки сказочный мир.

– Я их хорошо помню, – ответил Конрауд. – Они были выкрашены в белый цвет. И под конец они не очень-то улучшали вид города. Да они никогда его и не улучшали.

– Нет, и как раз в то время их и снесли, а потом возвели новые, а наверху соорудили Пертлу¹⁴.

Говорила она очень тихим голосом и как будто старалась произвести хорошее впечатление, хотя была не в силах скрыть, что ей хочется водки. Конрауд определил, что ей где-то около сорока, хотя на вид она казалась даже старше, ее худые пальцы цепко держали чашку, ногти были неопрятные, и под ними было черно.

– Ему было всего девять лет, – повторила она.

– А что же такое он увидел?

– Он не понял, что это может быть важно. Тогда – еще не понял. Он ничего не знал про это дело. Ни про Сигюрвина, ни про то, что вы расследуете. Совсем ничегошеньки. Он был еще ребенок. И лишь через много-много лет он услышал об этом и понял, что видел что-то, что с этим связано. Он начал собирать информацию об этом деле, читать. Тогда ему должно было исполниться тридцать, с тех пор, как он играл у цистерн, времени прошло уже много. Так много, что ему начало казаться, что это все фантазия или сон.

– А чем ваш брат занимается, в смысле, где работает?

– Он на стройке в основном. Рабочий. А иногда вообще нигде не работал. Он такой... Любит пропустить рюмашку. Отличный парень – Вилли его зовут.

Хердис поморщилась, словно отгоняя неприятную мысль.

– А вы младше него? – спросил Конрауд.

– Да, у нас два года разницы.

Она начала рассказывать ему о себе и о брате: тихо, робко. Рассказала о квартире в подвале в Хлидар, где они жили с матерью, которая работала в магазине и мало зарабатывала. Их родители развелись, отец уехал в деревню, и они редко его видели. Их было двое: брат и сестра. У обоих не ладилось с учебой, и, отходив положенное количество лет в школу, они не стали учиться дальше. Она рано начала жить с мужчиной на съемной квартире на улице Квервисгата, а ее брат нанялся на судно, но ходить в море ему не понравилось, и он нашел работу на суше. Он жил один и часто запивал.

Он сам толком не помнил, когда впервые услышал об исчезновении Сигюрвина, но по-настоящему заинтересовался этим, когда посмотрел по телевизору передачу о реальных исландских детективных историях, и там подчеркивалось, что машина Сигюрвина, красный джип, была обнаружена именно у цистерн на Эскьюхлид. В той передаче был один постановочный эпизод, в котором красный джип добавили на фотографию цистерн, сделанную еще до постройки Пертлы.

– И у него в голове что-то щелкнуло, – сказала Хердис. – Воспоминания о событиях, которые он раньше не связывал друг с другом. Лет примерно двадцать спустя.

– Это очень долгий срок, – сказал Конрауд, – для такого свидетельства.

– Он только и знал, что говорил об этом. И мне об этом рассказывал, и многим другим. И все же он считал, что оказаться замешанным в такую старую детективную историю – это как-то стыдно или глупо, он даже не был уверен, что правильно связал одно с другим. Я ему советовала рассказать полиции, он туда пошел, с кем-то из ваших поговорил, но тот ему заявил, что это все очень сомнительно, воспоминание слишком смутное или вроде того, так что поднимать

¹⁴ Пертла («Жемчужина») – стеклянный купол наверху цистерн, в котором размещается ресторан и смотровая площадка. (Впоследствии так стали называть все это строение.)

из-за этого шум не стоит, что, мол, в полицию поступают сотни свидетельств, которые никуда не ведут, – и Вилли решил, что и его рассказ тоже попадет в эту кучу. Вот как-то так все было.

– А вы знаете, с кем в полиции он говорил?

– Понятия не имею.

– А что же такое он увидел?

Хердис уставилась на пустую чашку, словно пыталась решить, выпить ли ей еще. Конрауд наблюдал, как она некоторое время боролась со своей совестью, но наконец решилась и налила в чашку водки, на этот раз не притронувшись к кофе. Чашку она выпила залпом.

– Простите, что я к вам так свалилась на голову, – извиняющимся тоном произнесла она, ставя чашку на стол. – Я не собиралась так поздно... я просто... за воротник залила.

– Вы хотите сказать: чтоб сюда прийти, вам пришлось выпить для храбрости?

– Если честно, то да, – ответила Хердис.

– А почему брат с вами не пришел?

– Я увидела эти новости про ледник и почувствовала, что мне надо с кем-нибудь поговорить. С тех пор я много думала о брате. Кто-то сказал, что вы больше всех знаете об этом деле.

– Вы, конечно, не знаете, но я уже не работаю в полиции, – сказал Конрауд. – Я вышел на пенсию. Я мог бы направить вас к тем, кто сейчас ведет это дело. Они бы вас хорошо приняли.

– Но вы так и не нашли того, кто это сделал.

– Нам казалось, мы знаем, кто это был, – ответил Конрауд. – Но он все отрицал.

– Это тот Хьяльгалин?

– А ваш брат не с вами?

– Нет.

– Они наверняка захотят снова поговорить с ним, – сказал Конрауд. – Полиция. На этот раз я могу сопроводить его.

– Да, – протянула Хердис. – Только уже поздно.

– Поздно.

– Никуда вы его не поведете.

– А почему?

– Вилли умер, – ответила она. – Погиб в ДТП.

Конрауд почувствовал, что ей до сих пор тяжело из-за этого.

– А ему было всего тридцать три года. Он... в этом году ему исполнилось бы сорок.

– Я вам сочувствую, – сказал Конрауд: он желал бы, если б мог, как-нибудь проявить к ней еще больше сострадания. – Автокатастрофы – это ужасно.

– Когда на леднике нашли тот труп, я все и вспомнила, – сказала Хердис. – Рассказ Вилли про человека, которого он видел у цистерн на Эскьюхлид и который угрожал его убить.

11

Мальчишки в ту зиму часто играли на Эскьюхлид. Они смотрели, как строится новый кегельбан, выходящий фасадом на футбольное поле команды «Валюр», использовали недостроенное здание как крепость, сражались на мечях со щитами среди арматуры и серых бетонных стен. А сейчас кегельбан уже сдали, и мальчишки болтались там, смотрели, как люди играют в кегли, и, если у кого-нибудь из них были деньги, они шли к игральным автоматам или покупали себе картошку фри с кетчупом. Когда им надоедало там болтаться, они шли в старую каменоломню или выбегали на пляж в Нейтхоульсвике¹⁵, где порой люди гребли на каяках, а какой-нибудь чужак занимался плаванием в холодном море.

¹⁵ Городской пляж в Рейкьявике, близ южного склона Эскьюхлид.

В тот февральский вечер Вилли шатался по Эскьюхлид один. Он заглянул в кегельбан, поглядел на людей. Сам он этим видом спорта не интересовался, так что там он пробыл недолго. Мама велела ему приходить поскорее, потому что детям его возраста нельзя находиться на улице после восьми часов, а когда он выходил из дому, час уже был гораздо более поздний. Он рассеянно бродил по холму, безучастный ко всему: гандбольная команда «Валюр», за которую он болел, проиграла важный матч. Одет он был тепло: куртка, шапка, варежки. Он увидел цистерны для горячей воды, озаряемые лунным светом, и направился туда. Ничего, что он тут совсем один. У него есть верные друзья, с ними весело играть, но одиночество он тоже любит и умеет быть самодостаточным в своих затеях.

Цистерны вздымались к небесам, словно опустевшие замки на вершине холма: пузатые, никчемные. Они шли под снос, потому что построили новую систему водоснабжения с новыми цистернами. А старые стояли кругом: восемь штук, а между ними проходы. Посередине была бетонная плита и разный металлолом: вот обломки велосипеда, который когда-то был украден, а теперь пришел в негодность... На каждой цистерне была приварена лестница, ведущая на крышу, а самая низкая ступенька находилась в двух метрах от земли, так что для того, чтоб на нее залезть, требовалась другая лестница. Мальчики забирались туда с помощью всяких хитростей, и некоторые влезали на самую крышу. Он однажды долез до верха, но ужасно испугался высоты и больше не стал: крыша была с уклоном, и ему все время казалось, что он с нее скатывается. А другие мальчишки не боялись высоты, они расхаживали по крыше, вышагивали по самому краю, сидели, свесив ноги. Некоторые перепрыгивали с цистерны на цистерну, но он сам ни в жизнь бы не рискнул.

Некоторые применяли на чистых холстах – стенках цистерн – баллончики с краской, но их мазня была грязной и похабной. На одну цистерну нанесли малоудачное изображение фаллоса, и оно всегда вызывало у мальчишек приступы веселья.

Вилли вошел внутрь круга, образованного цистернами, лег на спину посередине и стал смотреть в небо. Он увидел в просвете между цистернами луну и стал наблюдать, как она постепенно уползает, скрываясь из виду. Он смотрел, как то появляется, то исчезает свет большого прожектора, крутящегося на верху одной из цистерн. Мама объясняла ему, что это такой маяк, указывающий направление самолетам на аэродроме в Васмири¹⁶. Темноту над городом по очереди прорезал то зеленый, то желтый луч в равномерном спокойном ритме круг за кругом, словно слегка спешащая секундная стрелка в часовом механизме, в остальном безупречном.

Так он некоторое время лежал – и вдруг подумал, что, наверное, мама волнуется и уже пошла искать его. Ей уже несколько раз приходилось так делать, и она говорила, что он неадекватен и вообще совершенная амеба. Он этих слов не понял. Он знал, что учитель жаловался маме, что он невнимателен на уроках. Мама прилагала все силы, помогая ему готовить уроки, да и сам он старался, как только мог, да только в школе ему было скучно, и он не понимал, почему ему приходится все время учить что-нибудь, чем он ни капельки не интересуется.

В такие мысли он был погружен, когда услышал совсем рядом шаги. Он вскочил. Человек, которого он никогда не видел, с длинными волосами и маленьким колечком в одном ухе, стоял перед ним и злобно смотрел на него.

– Ты чего здесь шляешься, пацан? – довольно неприветливо произнес тот человек, словно сердился на Вилли, хотя тот ничего ему не сделал.

– Да ничего, – сказал Вилли.

– Иди-ка ты прочь отсюда, – приказал тот человек. – Вали!

– Ладно, – сказал Вилли, стараясь не злить человека. И все же он был уверен, что имеет точно такое же право находиться здесь.

Вдруг тот человек схватил его за грудки:

¹⁶ Местность, где расположен внутренний аэропорт Рейкьявика, недалеко от Эскьюхлид.

– Скажешь кому-нибудь, что я здесь был – найду и убью, понял?

Вилли не смел ответить.

– Слышал?!

Вилли кивнул.

– А теперь катись, – сказал тот человек и отпустил его.

Вилли не на шутку испугался и поспешил прочь от того человека. Пробегая между цистернами, он увидел его машину: какой-то внедорожник, спрятанный за каменной развалюхой, в которой одно время размещалось управление системой горячего водоснабжения. Наверно, тот человек приехал сюда раньше Вилли, иначе тот услышал бы шум мотора.

Он быстрым шагом пошел прочь, поминутно оглядываясь, до смерти боясь, что тот человек погонится за ним. Последнее, что он видел перед тем, как бросился со всех ног домой – фары другой машины, подъезжающей к цистернам: они на миг сверкнули, осветив цистерны, и скрылись за развалюхой.

* * *

Хердис завершила свой рассказ. Конрауд наклонился к ней, потому что говорила она очень тихо, и ему приходилось тщательно вслушиваться. Тем более, слух у него ухудшался, а обзаводиться слуховым аппаратом ему очень не хотелось. Немного помолчав, он спросил, может ли она сообщить что-то еще, но она помотала головой.

– Мне не надо было приходиться так поздно, – сказала она.

– Не переживайте, – ответил Конрауд. – Все нормально.

– Я не привыкла ничего подобного делать.

– Конечно.

– Я так много об этом думала после того, как на леднике обнаружили этот труп.

– Я понимаю.

– Мне кажется, я это делаю в память о Вилли. Я была его младшей сестренкой, а он ко мне так хорошо относился. Наш Вилли был уникальным. Уникальный брат. Когда он угодил в аварию, он пытался бросить пить. Это было среди зимы, и видимость плохая, и гололед, и как-то Вилли угодил под машину. А этот так и не признался. То есть водитель. Скрылся, и все. И свидетелей никаких. Мы так и не узнали, кто это был.

– Это тот... Его часом звали не Вильмар? – спросил Конрауд, поняв, что знал этого человека. – Он помнил тот наезд, скончавшуюся жертву и поиски водителя, скрывшегося с места ДТП. Это был особенный случай, а произошел он на улице Линдартата. Конрауд знал те места: он жил там в детстве.

– Ужасно, как с ним вышло, он же такой хороший мальчик, – сказала Хердис. – Просто ужас.

– А он еще кому-нибудь это рассказывал? – спросил Конрауд. – Когда наконец вспомнил?

– Да, после той передачи он понял, что все, что он увидел, может иметь важное значение, и рассказывал всем, кто только соглашался слушать.

– А что это был за человек на Эскьюхлид?

– Он так и не узнал. Вилли тогда было всего девять лет, и, как я уже говорила, эта криминальная история прошла совершенно мимо него. Ему и в голову не пришло, что это как-то связано с исчезновением Сигюрвина. Но воспоминание о человеке, который его так напугал, сильно врезалось ему в память. И когда он начал размышлять над этим, он вспомнил матч, проводившийся в тот вечер, и кто играл, и заглянул в старые турнирные таблицы «Валюра». Оказалось, что он проводился в тот вечер, когда пропал Сигюрвин.

– Понимаю.

– И я... – Хердис умолкла.

– Что?

– Ко мне иногда закрадываются мысли, что, может, гибель Вилли – не случайность. Почему этот водитель не стал ему помогать? Почему он не остановился?

– Видимость была очень плохая, – сказал Конрауд, – непогода. Вероятно, он подумал, что хотя и задел его своей машиной, то серьезных травм не было. Такая версия выдвигалась.

– Чем больше я об этом думаю, тем очевиднее мне кажется, что он хотел убить Вилли.

– И, по-вашему, это как-то связано с Сигюрвином?

Хердис кивнула.

– Я хочу знать, можете ли вы найти того, кто сбил Вилли, – сказала она. – Это ваше дело снова открылось, и мне кажется, что Вилли как-то вошел в него.

Конрауд не нашелся с ответом, а Хердис вдруг поднялась с места.

– Я вас так долго задерживала, – произнесла она.

– Может, полиция все-таки захочет с вами поговорить, – Конрауд тоже встал.

– Хорошо, но только пусть это будет быстро, мне не очень-то хочется, чтоб из-за этого началась буча.

– Я думаю, вам не стоит об этом беспокоиться. Ваш брат мог еще что-нибудь сказать про того человека?

– Только что у того были длинные волосы и сережка в ухе – такое колечко, а еще – что вид у него был страшный и угрожающий, – добавила Хердис.

– А Вилли знал, кто такой Хьяльталин?

– Да, потом узнал: когда начал связывать эти события друг с другом.

– Это был он?

– Нет: какой-то другой человек.

– Вы уверены?

– Он был уверен.

– А Сигюрвин? Это был он?

– Нет, и не он, – ответила Хердис. – Вилли был уверен, что убить его не угрожал ни один из них двоих.

Она долго стояла и молчала, опустив взгляд.

– Мне это все показалось настолько ужасным, – проговорила она наконец, – что я решила спросить вас, не поможете ли вы мне. Можно ли разыскать этого лихача, и... узнать, как все было: это несчастный случай, или он и впрямь... хотел убить его.

12

На следующий день Конрауд встретился с Мартой. Он пригласил ее в торговый центр «Подкова» попробовать тайландской кухни: ему было удобнее видеться с ней так, чем постоянно ездить в полицейское управление, словно он все еще там работал. Пока они ели, он изложил ей рассказ Хердис о брате, о том, что он видел у цистерн на Эскьюхлид, и о наезде.

– Это мало, – сказала она, пытаясь остудить обожженный рот рисом и глотком воды. Конрауд знал, что ей было не привыкать к острым азиатским блюдам и что иногда она этим хвасталась. И сейчас она заказала самое острое кушанье во всем меню, и на лбу у нее жемчужинами выступили капли пота.

– А, по-моему, это существенно, – возразил Конрауд. – Этот рассказ может быть связан с исчезновением Сигюрвина.

– Мы не можем допросить свидетелей.

– Конечно нет.

– А что это за люди?

– Просто обычные люди, – ответил Конрауд. – Хорошие. Сестра произвела на меня замечательное впечатление, она сообразительная и точно знала, что хочет сказать. Она это все делала ради брата: она по нему скучает.

– А вдруг она это все выдумала?

– По-моему, это маловероятно.

В ресторане, популярном благодаря вкусной еде, было много народу, и они старались разговаривать вполголоса. Марта нравилась Конрауду как человек – с тех самых пор, как в юности пришла работать в отдел расследований. Работать с ней было одно удовольствие: она никогда не входила в раж, а рассматривала каждое дело сдержанно, не спеша, и редко делала ошибки. Стоило ей ознакомиться с подробностями – ей уже было легко отделять зерна от плевел, и сбить ее с толку было непросто.

– И что в этом нового? Мы всегда подозревали, что кто-то, то есть Хьяльталин, забрал Сигюрвина от цистерн на своей машине. Мужчина с длинными волосами? Это как?

– Мне помнится, когда-то мы считали, что Сигюрвин приехал на Эскьюхлид погулять, подышать свежим воздухом, собраться с мыслями. И что он гулял по холму, и на него кто-то напал – один или несколько человек. Если брать рассказ этого мальчика в расчет, то, может, тот человек как раз ждал Сигюрвина, а потом взял его с собой. И у него была машина, которую мальчик назвал внедорожником.

– Но Сигюрвина мальчик не видел, – возразила Марта.

– Нет, а тот, кого он встретил, был не Хьяльталин.

Марта отправляла себе в рот куски еды один за другим.

– У Хьяльталина волосы были очень пышные, – сказал Конрауд. – Когда мы в первый раз задержали его, у него была густая грива, свешивающаяся на спину.

– На спину? Как некрасиво!

– Ну, да.

– Как и многое другое, что было в те времена, – сказала Марта.

– Мальчик сказал, что это не он.

– А может, он все выдумал? Ты же знаешь, как такие дела обрастают всякими рассказами. Им просто числа нет. И что такое, с точки зрения девятилетнего мальчишки, внедорожник? Разве не все джипы предназначены для езды по бездорожью?

Марта вытерла пот со лба салфеткой: от острых специй ее лицо припухло.

– Было вкусно, – сказала она.

– Признайся, что для тебя это все-таки островато.

– Это? Да это просто ерунда.

– А мне кажется, ничего он не выдумал, – сказал Конрауд. Он решил больше не подтрунивать над подругой, которая все равно ни за что не призналась бы, что блюдо оказалось для нее чересчур острым. – Когда мальчик вырастет, он заметит, что то, что с ним случилось, связано с исчезновением Сигюрвина, и решит, что стал свидетелем чего-то важного.

– О'кей, поняла, но все это в лучшем случае слабовато. Я по-прежнему склоняюсь к версии насчет Хьяльталина.

– Значит, ты с этим ничего не будешь делать?

– Узнать это неплохо, но... – Марта пожала плечами.

– У нас же появился новый свидетель, – заметил Конрауд. – Это уже кое-что.

– Это не так, Конрауд, и ты сам это понимаешь. Тот свидетель мертв, и, может, он не был надежным. Что такое мальчишка, девяти лет от роду? Да еще ведь столько лет прошло.

Конрауд поморщился. Он понимал, что утверждения Марты небезосновательны. Сам он спрашивал Хердис, запомнил ли ее брат, какого цвета была машина на Эскьюхлид, но ее облик в его памяти был нечеток, подернут туманом забвения.

– Иногда мне кажется, что в этом всем мы совершили какую-то глобальную ошибку, – сказал Конрауд.

– У Хьяльталины был «Форд Бронко» и еще одна машина, «Ниссан Санни», насколько я помню, – заметила Марта.

Конрауд промолчал, глядя на подругу.

– Если верить мальчику, то в тот вечер, когда пропал Сигюрвин, у цистерн был не Хьяльталин, а кто-то другой, – наконец ответил он. – По-моему, мы не... ты не можешь игнорировать это. Во всяком случае, про это не нужно забывать.

– Мне это не очень интересно, Конрауд, но так уж и быть, я поговорю с той женщиной, которая к тебе заходила. Это не сложно. Как ни странно, к нам все еще продолжают поступать различные сообщения о Сигюрвине.

– Она даже думает, точнее, подозревает, что гибель ее брата под колесами машины тоже как-то связана с этим делом.

– Я с ней поговорю.

– А вкус этого блюда ты чувствуешь? – поинтересовался Конрауд.

– Да, очень вкусно, но лучше бы, оно было поострее, – сказала Марта, вытирая каплю пота, ползущую по переносице.

После встречи с Мартой Конрауд поехал на Сельгьяртнарнес¹⁷ немного покататься на машине. Он остановился на дороге, сворачивающей к полю для гольфа, и долго сидел в машине, смотрел на каменную кладку вдоль взморья, высившуюся перед ним, и вспоминал, как ездил сюда с Эртной. Сейчас лунного затмения не было. Печка в машине слегка посвистывала. На улице был жуткий холод. Он смотрел в сторону старого маяка на Гроутте, который уже не один десяток лет указывал морякам путь в темноте.

¹⁷ Мыс к западу от Рейкьявика, на котором расположен одноименный городок – спутник исландской столицы. На оконечности этого мыса расположен маяк Гроутта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.